

Игорь БЕЛЯКОВ ПУЛЬС ХОЛОДА

@ЭЛИТА

16+

Игорь Беляков

Пульс холода

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6508806
Пульс холода: Аэлига; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Два человека, могущие заглянуть в прошлое, но разделённые толщей веков...

Один вернулся из-за грани, веющей холодом. Другой идёт по дороге к вечности. У каждого есть место в этом мире и долг, который необходимо исполнить.

Но кто определяет место и долг? Чтобы понять это, нужно узнать, как устроена Вселенная. А новое знание порождает новые вопросы...

Содержание

Пролог	5
1	8
2	31
3	80
4	93
5	100
6	108
7	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Игорь Беляков

Пульс холода

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Плюх-плюх-плюх-буль...

Плюх-плюх-плюх-плюх-буль...

Плоские камушки отскакивали от чуть вздыбленной поверхности моря, но неумолимо находили приют в его глубине. Мало что так способствует очищению сознания и одновременно его концентрации, как «выпечка блинов», плюс доставляет истинное наслаждение. А также развивает глазомер и пластику кистей. Жаль, к морю удаётся вырваться крайне редко, хотя и живём вроде недалеко – в одном дневном переходе.

Года три назад ветра дули сильнее, так что электричества хватало даже на пару битком набитых поездов до Побережья. Этой же осенью бриз лишь слегка развевал волосы да гонял облака по кругу, и всей получаемой энергии (гидро, ветро и прочих) едва-едва хватало на жизнеобеспечение. Свет по ночам отключали, и приёмные родители – в шутку ли, всерьёз ли – развивали во мне всякие полезные навыки вроде видения в темноте, устраивая «слепые» тренировки.

Ветерок, неожиданно усилившийся до порывов, стал примораживать уши и нос. Подходящие камни кончились, и я просто сидел на гальке, обхватив колени руками. Глаза уже не различали границу между морем и небом – а так можно и с миром слиться!

Я поднялся, и, пытаясь согреться, запрыгал вдоль плещущихся волн. Да, для начала ноября всё-таки необычно холодно: дождевые лужицы за ночь покрылись тонкой корочкой льда.

На вершине прибрежного холма, где остановился наш табор, я разглядел Ольгу с подругой. Настроение омрачилось, вчера на меня опять не было обращено ни капли внимания. Что поделаться, моя внешность даже на заурядную не тянет, а уж репутация! Зато мои необычные способности вполне могли бы помочь. А ну-ка...

Пока я размышлял, чем бы таким поразить девичье воображение, в голове загорелось холодное предупреждение «Никаких фокусов!». Помянув нехорошим словом своих наставников с их вечным «Кому многое дано, с того многое спросится», я со злостью сосредоточился. Жить с импринтингом в башке иногда чертовски надоедает!

Страж, разумеется, уже неторопливо шагал ко мне от небольшого ручейка, на этот раз в образе то ли благородного бандита, то ли рыцаря с большой дороги. Приблизившись, он поднял к губам правую руку, дунул в кулак, а когда мгновение спустя раскрыл ладонь, на ней лежал сверкающий клинок. Я усмехнулся: Страж был частью меня, и поэтому страдал склонностью к театральным жестам. Мне нравились поединки с ним, пусть они и проходили исключительно в моём воображении – ведь с каждым разом я проникал сквозь защиту Стража всё глубже и глубже.

Сегодня успехи были просто великолепны, возможно, из-за близости моря. Но Страж, даже изрядно порубленный, уходит, только сделав своё дело. Когда фантом исчез, я не мог создать и слабенькую иллюзию: поединок высосал меня до капли.

На холме уже никого не было, наверное, Ольга ушла до начала транса. Приёмным родителям частенько приходилось успокаивать окружающих, говоря про временное оцепенение как необходимую часть тренировок. Доля истины в этом, безусловно, присутствовала, но всё равно я числился в разряде слегка помешанных.

Я перевёл взгляд вниз и внезапно ощутил холодный липкий ужас. На всём пути от ручья до меня на влажном песке отпечатались глубокие следы Стража...

1

– Покажи мне снова! – потребовал Плут, закончив перемигиваться с симпатичной официанткой, и пригубил свежесваренного глинтвейна, превосходно прогонявшего озноб.

– Зачем? Ты и так вытянул всё, что мог...

– Ярви, хорош упрямитесь, тебе нужна тренировка! Ну, какая разница, что показывать?

Мне, в общем-то, никакой, но Плут своей настырностью умудрился разозлить. Извини, друг, но сегодня ты увидишь немного больше. А главное – почувствуешь! Стража больше нет, и никто не помешает добавить в иллюзию капельку боли. Но не меньше, чем чувствовал её я, так что держись...

...

Приёмный отец захлопнул дверь, и снаружи послышался шум запирающегося засова. Теперь меня не выпустят, пока я не пройду посвящение. Излишняя, на мой взгляд, предосторожность – я с трудом дождался двадцатипятилетия, когда в первый раз позволялось испить Молока Белой Невесты. Скорее, это была дань традиции: слухи о гибели всех присутствующих при первых ритуалах никак не удавалось извести. Поэтому каждого новобранца оставляли одного. Мало ли: Невеста явится и прихватит всех скопом. Удивительное, однако, поэтическое название для смерти выбрали предшественники – наверное, чтобы противопоставить старухе с ко-

сой...

Что и как делать, я знал: за прошедшие века ритуал упростился до смешного. Вот бутылёк – открывай, пей и жди прихода. Но само зелье было невероятно сложным в приготовлении – недаром все двадцать пять лет от меня отщипывали кусочки и вытягивали жидкости, так что это лично моя партия Молока.

Я нацедил двадцать пять капель в потемневшую старинную серебряную рюмку, залпом выпил, и только потом вспомнил, что надо лечь. Во рту словно вспыхнуло пламя, в живот будто воткнули и провернули тупой нож, тело скрючила судорога. Я рухнул на пол...

...

«Скорее бы попасть на свою сторону! Жаль, Нефа ещё не встала, придётся через Переправу. О скрытности можно забыть...»

Элар пришпорил каурую кобылу, накрытую попоной из тёмной шерсти. Мара нехотя сменила шаг на рысь, сокол, дремлющий на плече, встрепенулся. Элар погладил верную птицу – сегодня ей нелегко пришлось, зверя неведомого встретила и испугалась.

«Как тут не испугаться – летит здоровенная тварь и мяукает, у самого рука дрогнула, стрела по верхушкам сосен поскакала. Вот, съездил на охоту – теперь добыча кулём с двух сторон свешивается. Пришлось на замёрзшего весь запас коньяка израсходовать – и снаружи растирать, и внутрь

заливать. Сейчас вроде спит, отошёл, надеюсь, от последней грани. Только бы на патруль не наткнуться на ЭТОЙ стороне, досмотр же из-за находки учинят...»

Полноводная Нефа, местами скованная потрескавшимся гранитом, здесь круто поворачивала, чтобы нести беспокойные воды дальше к заливу, – до полного слияния с небомоловом на горизонте. Элар натянул поводья.

«Надо бы поторопиться: скоро стемнеет, на Переправе появятся караульные, и будут тыкать каждому в лицо факелом. Только как тут спешить – сплошная грязь вперемешку со снегом! Мара в выбоине запросто ногу ломает. А ведь на этой набережной все дома богатые!»

– Знать чёртова, улицу замостить толком не могут, – Элар сплюнул сквозь тонкие губы. – Спесь только и есть!

«Да уж, на главный проспект средств не пожалели, а про берег забыли напрочь. И про всё остальное. Вышел проспект на загляденье – ровный, каменный да гладкий, только мне пути туда сегодня нет. Хотя вряд ли кто посмеет привязаться – разве что совсем уж молодые жизнелюбы, но и то если их толпа соберётся... Невеста пока миловала. И от патрулей тоже.

Мало всё-таки здесь сторонников. И среди знати есть идущие Путём Белой Невесты, но сейчас такие пристрастия не в почёте. Ритуалы Невесты в основном для бедных... А ещё на этой стороне живёт Симон!»

При мысли о нём красивое лицо Элара исказилось от

ненависти.

«Если бы кичливый хрыч не поддержал тогда эту выскочку, никакое завещание ей бы не помогло! Воистину, наносимая обида должна быть такой, чтобы не бояться мести!»

Правая рука сама собой сжалась в кулак, ладонь левой постукивала по выступившим сквозь тонкую перчатку костяшкам. Элар так и ехал до Переправы, больше не заставляя Мару ускорять шаг. Паром, к его радости, покачивался рядом с берегом, караула видно не было. Стараясь не шуметь, Элар подобрался вплотную к сторожке и прислушался к разговору.

– Опять жалованье задерживают, – бурчал старческий голос, надломленный и сиплый. – Что мы зимой кушать будем?

– Кого догоним, того и будем кушать, – зло прозвучал ответ Рони. – Нынче много грамотных, да мало сытых!

Недовольство – это хорошо! Элар улыбнулся, заправляя за ухо выбившиеся из-под шапки волосы.

«Что делать, скупость Мэлиэн общеизвестна. Впрочем, будь я на её месте, поступал бы, наверное, так же. Хотя экономить на переправщиках не стоит».

Решив, что самое интересное он уже услышал, Элар постучал хлыстом в гнилую дверь.

– Кто там ещё? – недовольно спросил старик.

– Элар! Давайте, пошевеливайтесь!

Голос охнул, послышалось суетливое шебуршание, затем на пороге возник смотрящий подобострастным взглядом ху-

дой долговязый переправщик в задрипанном полушубке.

– Паром всегда к услугам Вашего Высочества! Не изволили подождать полминуты, Рони как раз допивает чай!

Элар спешился и молча кинул сторожу монетку, пойманную с жадной цепкостью. Мара недовольно фыркнула при попытке провести её по трапу и замахала хвостом. Устала сегодня, вот и упрямится. Принц взялся за удила, и, ласково нащёптывая, перевёл кобылу со скользкого берега на мокрый деревянный настил. Рони – высоченный, здоровый, мускулистый – уже стоял рядом.

– Что это у вас? – указал он на находку.

– Охотничий трофей! – резко ответил принц.

Паромщик хмыкнул и удалился к механизмам на корме. Горожане давно привыкли к странным поступкам Элара и не лезли в его дела. Рони закрутил тяжёлое приводное колесо, и паром заскользил по невысоким чёрным волнам, разбивающимся о деревянные борта с тихим стоном. Принц посмотрел на удаляющийся ТОТ берег, потом на Мару, что прядала ушами от промозглого ветра. По едва заметным поворотам торчащей из дерюги головы Элар понял, что найденный очнулся, но к свободе не рвётся.

«Напуган или умён? Скорее второе, на труса не похож».

Принц прислонился к Маре, загораживая находку от паромщика, иногда бросавшего любопытный взгляд на лошадь.

Сведя кобылу на берег, Элар дал Рони плату вдвое больше

обычной.

– За переправу, и ещё кое за что!

Паромщик кивнул: он всегда отличался понятливостью и отнюдь не горел желанием попасть в немилость к наследному принцу Крепи. Миновав сторожку с переправщиком, Элар немного прошёл рядом с Марой по набережной и свернул за угол.

– Давай, поднимайся, – принц постучал хлыстом по спине находки.

Куль недовольно заёрзал, закричал, и сполз по холёному крупу на скользкий булыжник. Элар помог найденному выпутаться из дерюги. Человек, подобранный полумёртвым в Приозёрном лесу, был на голову ниже ростом, лицо скрывала неприглядная борода, а волосы – вязаная шапочка. В общем, ничего примечательного.

– Вы кто? – незнакомец смотрел в худое продолговатое лицо спасителя снизу вверх.

– Элар, а ты? – принц достал из рюкзака и передал мужчине зимний плащ.

– А что я успел наговорить?

– Немного, – Элар усмехнулся, его большие глаза на секунду закрылись, явив множественные морщинки на веках, – но самое главное. Повторил раз десять. Ты потерял некую Дейри.

– Понятно... Тогда, я – Игорь, – человек помялся. – Друг Дейри. А вы её знаете?

– Не знал бы, остался бы ты замерзать вместе с волками, – Элар похлопал по седлу. – Садись!

– Тут далеко? – Игорь с опаской посмотрел на кобылу, зябко кутаясь в подбитую мехом накидку.

– Не очень. Сразу за излучиной.

– За излучиной... Тогда я рядышком пройдусь.

– Как хочешь, – пожав плечами, Элар вскочил в седло и потрепал Мару по холке. – Но!

Первый зимний буран пронёсся по кривым улочкам и закоулкам северной стороны, выдув осень из самых законопаченных щелей, совсем недавно, и около большинства домов снег лежал нетронутым. Когда сугробы стали спутнику Элара выше колена, принц повторил приглашение:

– Садись!

– Я лучше так, – снова отказался Игорь.

«Странный какой-то этот друг Дейри. Лошадей точно не жалует».

Элар натянул поводья, поворачивая к набережной, ежедневно вычищаемой чуть ли не до блеска. Почувствовав под копытами ровную булыжную мостовую, Мара зацокала увереннее и веселее. Ночь неспешно прогоняла сумрак и силуэты домов, заставляя их слиться с угрюмым небосводом. Когда путники добрались до замка, их встречали только светящиеся бойницы.

Проехав по узкому мосту надо рвом, Элар требовательно постучал в большие деревянные ворота. Часовой от-

крыл сторожевое окошко и поприветствовал принца. Тот час скрипнул засов, высокие створки нехотя подались назад. Принц спешил к конюшни и кликнул слуг. Три подтянутых крепких человека в сиреневых куртках появились мгновенно, словно из-под земли. Элар передал ближайшему двух подстреленных тетеревов.

– Держите, сегодня была удачная охота. Одного приготовите мне на завтрак, другого – на общий стол.

Слуга расплылся в благодарной улыбке, поклонился и исчез за конюшней.

– Вы щедры, я смотрю, – заметил озябший и дрожащий Игорь.

– Господин обязан быть щедрым на пути к власти. Вагиз, прими сокола! А ты, Тимур, срочно отогрей гостя в бане, накорми, и устрой в боковой спальне! С утра пригласишь в трапезную. Одежду подбери попримичнее, а его вещи выстирай. И чтобы завтрак на двоих принесли!

Проводив гостя взглядом, принц повёл кобылу в стойло, чтобы привести уставшую Мару в порядок.

...

Трапезная была любимой комнатой Элара. На стенах висели трофеи, собранные с того самого дня, как отец впервые вывез на охоту совсем юного принца. «Ходи на дичь, если хочешь быть готовым к войне» – говорил он. Элар убедился в справедливости слов отца, когда руководил дружиной и отбивал набеги кочевников. Должности больше нет, а привыч-

ка осталась. К тому же именно на охоте можно испытать истому настоящего одиночества – когда никто не мешает прислушаться к природе.

Принц взял ломоть горячего хлеба, обмакнул в тетеревиный жир, и с наслаждением откусил. Большая часть завтрака досталась Игорю, в котором голод быстро переборол стеснение. Гостя побрили, и теперь Элар мог внимательно разглядеть его в ровном свете факелов.

«Я ведь тебя и не видел-то в нормальном состоянии – то полуживой от мороза, то пьяный до полусмерти, то опять замёрзший. Сейчас вот одет в халат Дейри – маленьких размеров в замке не нашлось. Ну-ка, вспомним занятия по физиогномике. Что у нас есть: высокий широкий лоб, маленький заострённый подбородок, густые длинные брови над серыми глазами – это всё признаки ума и хитрости. Маленький нос с вздёрнутым кончиком и выпяченные ноздри – своеволие. Большой рот со слегка загнутыми кверху губами – властность и чувство ответственности. Жаль, что под волосами не видна форма ушей...»

Почувствовав взгляд хозяина, Игорь поставил пиалу с чаем на стол.

– У меня не хватает слов для выражения признательности и благодарности за спасение и приют, – голос его чуть хрипел. – Я вам очень сильно обязан.

– Как тебя в Приозёрный лес-то занесло? – принц привык к придворной лестнице, но особо её не жаловал, предпочитая

сразу переходить к делу.

Гость снова взял чашу, отпил несколько глотков и заговорил медленно, тщательно подбирая слова.

– В лес? Мы шли в Крепь, когда на нас напали. Это было... Это было дня три назад. Я не смог выручить Дейри! – Игорь опустил голову. – Там же остались все наши вещи, включая карту. Дальше я брёл наугад.

– А кто напал? – Элар заволновался: раньше зимой город набегами не тревожили.

– Очень странное существо, живущее в пещере, – глаза гостя превратились в щёлочки. – Похоже на человека, но он скакал на почти отрубленных ногах как серна! Обычные люди от того, что я с ним сделал, умирают!

– А-а, – у принца отлегло от сердца. – Адальберт, наш должитель!

– Кто?

– Адальберт! Пройдя через все ритуалы Невесты, он обрёл бессмертие, но потерял способность к продолжению рода и слегка чокнулся. Впрочем, со стороны поглядеть, так мы тут все только одним озабочены: как бы прожить подольше...

– Бессмертие? Невеста? – брови Игоря резко взмыли до середины лба. – И об Адальберте Дейри ничего не сказала!

– Милая девушка чертовски далека от наших проблем. Да и от реальной жизни, признаться. И что, Дейри не просветила тебя по поводу Домов Жизни и Смерти? – Элар прикиды-

вал, какие из этого можно извлечь выгоды.

– Нет!

– И почему я не удивляюсь? – принц решил, что проблемы Дейри – это проблемы Дейри, а сам он волен рассказывать что угодно. – Не совсем застольная тема, но раз уж коснулись, опишу ситуацию вкратце. Здесь, в Крепи, большинство горожан привержены двум разным путям продления жизни. Приют Белой Невесты погружает часть организма в состояние, близкое к смерти, как бы консервируя и отключая механизм старения, а Дом Жизни ускоряет процессы регенерации. Служители Домов могли бы рассказать больше, если бы кто-нибудь был в состоянии их понять. Что ещё... Путь Жизни дороже, и в основном им пользуется богатая знать по ту сторону реки.

– Значит, вы из последователей смерти, – гость слегка наклонил голову. – Сколько же вам лет?

– Много, – принц улыбнулся, налил крепкой брусничной настойки в старинную серебряную рюмку и пригубил. – Если точно – сто тридцать шесть!

– Сто тридцать шесть... По виду не скажешь, – Игорь потёр мочку уха. – А как со всем этим связан культ Древних?

«А вот это ты знаешь, странный друг Дейри. Если ты тот, о ком я сейчас подумал, то дело принимает интересный оборот. Тогда понятно и твоё недоверие. Неужели Дейри не зря затеяла свой безумный поход?»

– Культ старается поддерживать хрупкое равновесие меж-

ду Домами, – голос Элара ни на мгновение не выдал замешательства. – В крепости Древних хранители знаний обучают служителей обоих Домов.

– Они помогут вызволить Дейри?

– Нет! В Крепи желающих связываться с Адальбертом ты не найдёшь. Даже я, которому Дейри нужна позарез, не стану получать врага в лице бессмертного.

– Зачем она вам нужна? – резко спросил гость.

«Как ты внимателен к словам, Игорь! И что это у меня язык развязался? Перед чужаком можно и не сдерживаться?»

– Дейри – моя горячо любимая родственница, – принц усмехнулся. – Если точнее, сводная сестра, родившаяся много позже развода моих родителей.

– Я смотрю, вы не очень спешите на выручку любимой сестре, – гость снова потёр мочку уха. – Что вам на самом деле от неё нужно?

– Поддержка, – Элар откинулся на спинку кресла. – Дейри пользуется влиянием в Доме Древних. Значительным влиянием. С её помощью я могу вернуть то, что принадлежит мне по праву рождения!

– Ваш отец был королём, – подавшись вперёд, выплюнул догадку Игорь и добавил после паузы, – не так ли, ваше высочество?

– В яблочко! Мы с ним не очень ладили, особенно после его второй женитьбы. И при оглашении завещания я получил

пренеприятный сюрприз – просят любить и жаловать Королеву Мэлиэн. Я при дворе – белая ворона, но эта обида совершенно не заслужена! – принц воздел руки к небу. – Я всегда был предан отцу!

– Вы боролись?

– Ропот поднялся сильный, часть влиятельных сановников настаивала на моей коронации вопреки завещанию. Правда, до открытого противостояния дело не дошло, благодаря... – Элар сжал кулаки. – Благодаря одному человеку...

– Власть сладка, – заметил гость. – Видеть, как люди подчиняются любому твоему решению, как начинают воплощаться самые смелые замыслы – это сладость бога. Главное – творить не для себя...

– Ты говоришь почти как отец! Жаль, он не смог убедить в этом жену – после её коронации началась настоящая вакханалия. Чтобы задобрить знать, все собираемые средства пускаются для исследований Жизни, а эта забава не из дешёвых! Мэлиэн распоряжается в городской казне, как в своём кармане, поправ все общинные традиции! И себя не забывает!

– Нехай рука того отсохнет, кто себя обделит?

– Да-да, в яблочко! – Элар только сейчас заметил, какая у собеседника располагающая улыбка.

– Знакомая картина, – протянул Игорь. – У кого же тогда просить помощи?

– Ну, разве что у Древних!

– У древних... – гость запнулся. – Мне нужно знать, где

искать Предвестников!

«О Предвестниках ты знаешь, а где их искать – нет? Похоже, Дейри выдавала информацию строго дозированно. Что за игру ты вела, сестра?»

– Культ Древних хранит это знание, но никому другому оно недоступно. Без шансов!

– Тогда я хочу посмотреть на крепость Древних! – Игорь встал.

– Хорошо, пойдём на рекогносцировку! – принц улыбнулся и хлопнул в ладоши. – Принеси нам одежду для прогулки к Дальней! – приказал он Тимуру.

...

Редкие прохожие почти не обращали на них внимания, иногда кланяясь и получая ответное приветствие. В морозном утреннем воздухе пахло сном. Капризный осенний паводок превратил берег за Переправой в зыбкую трясины с многочисленными ручейками между островков грязного снега. Обустроенная набережная здесь заканчивалась, и добраться до пристани можно было только по деревянным мосткам, а кое-где и просто по брёвнам, под которыми от каждого шага весело хлопала вода или чавкала зловонная жижа. Еле удержав равновесие на одной из скользких круглых деревяшек, Эллар пожелал себе не забыть прислать людей, чтобы приделали поручни.

Дальняя пристань располагалась там, где от могучей Нефы ответвлялась первая протока. Держась за высокие пе-

рила, они смотрели на остров между тёмной гладью реки и бугристой шахматной доской полузатопленного берега. С пары километров крепостная стена казалась огромным девятым валом, так навсегда и застывшим после невероятной бури. На сером фоне был еле заметен мост от бастионов на север, к твёрдому берегу за первой протокой. Посередине острова тянулся к облакам узкий жёлтый прямоугольник, увенчанный острым золотым шпилем, разрезающим налётшее пасмурное небо.

– Это, пожалуй, единственное уцелевшее от Древних оружие, – заметил Элар, закрываясь воротником от порыва свирепого холодного ветра с залива, пахнувшего просоленными парусами и упущенной рыбой.

– Крепость, – поправил спутник. Взгляд его словно ощущал панораму города, подолгу задерживаясь на мелких деталях. Элару подумалось, что так смотрят на ранее виденные места, пытаясь уловить различия. Мысли потекли в прошлое, к последнему визиту в храм Древних, затем к проклятым родственникам Симона.

«Как они могли пойти на заговор из-за побрякушек, подставив всех последователей Невесты! Пришлось взять расследование на себя. Всё правильно, бей своих. Результаты повальных обысков до сих пор стоят перед глазами – сам долго не мог поверить, а отец так и не поверил, дав разрешение на суд скрепя сердце. Это и стало причиной размолвки, а не моё предпочтение Невесте. Что бы ни говорили, отец всегда

был равнодушен к борьбе Домов. Но слеп к людям, и считал, что это для него лучше. А ведь от одного порченого яблока целый воз загнивает! Заговор мы разгромили, но заразу выкорчевали не полностью. Как ловко тогда Симон отстранился от своей родни, выказывая преданность трону! С какой тщательностью выписывал на лице негодование и сочувствие! Но злобу затаил. И эти тоже!» – взгляд Элара устремился на шпили.

«Правы Древние: люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Поэтому первое в списке дел после коронации – разгром партии любителей баракла!»

– А что за стеной? – прервал воспоминания Игорь.

– Храм Древних, где проводят особо значимые и торжественные церемонии. Отсюда его шпили видны лучше всего.

– Мне нужно туда попасть!

– Вход только по разрешению старших служителей, – принц покачал головой. – А меня там видеть не захотят.

– Почему?

– Однажды пришлось провести там обыск. Никаких тайников, кстати, найти не удалось.

– Иногда, что хотят спрятать – держат на виду, – гость не сводил взгляда с крепости.

Элар пожал плечами.

– Мне нужно туда попасть! – настойчиво повторил Игорь, вплетая в голос командирские интонации.

Принц глубоким вдохом подавил волну возмущения, со-

храня на устах дружелюбную улыбку.

– По обходному пути нам не пройти незаметно. Зато можно перелезть через стену со стороны Нефы. Охраны на ней нет, а дверь в Храм даже на ночь не закрывают. Времени, правда, на подготовку совсем мало!

– Мне нравится! – Гость отпустил перила. – Идём!

«Руководитель выискался! Ладно, потерпим...»

Сходя с пристани, Элар, не справившись с давно обуревавшим желанием, нарочито громко произнёс подслушанную у жрецов фразу. Вроде бы они использовали её как ругательство.

Игоря передёрнуло. Он промолчал, но его поступь перестала пружинить.

...

Обёрнутые тряпками весла в последний раз ударили по воде, и утлая лодка мягко ткнулась в тихо зашуршавший песок. Два силуэта, крадучись, ступили на маленький пляж за бастионом, сложенным из крупных базальтовых глыб. Кошка, закинутая на куртину, звякнула о камень. Элар несколько раз дёрнул верёвку, после чего наклонился к Игорю.

– Если тебя поймают, скажи, чтобы срочно везли к Мэлиэн – есть сведения о заговоре принца Элара. Это их проймёт, – и полез наверх.

Игорь подождал, пока принц устроится на стене поудобнее, и, плотно обхватив шершавую пеньку ладонями в кожаных перчатках, вёртко заскользил следом.

В храме Элар зажёл масляный фонарь, на миг создав две огромные тени, и задвинул пластины.

– Приоткрывать только чуть-чуть! – принц передал светильник Игорю.

Гость бережно взял фонарь и пошёл вдоль стен, останавливаясь у картин. Элар видел то серые прямоугольные циклопические постройки, отражающие пыльный закат, то огромную продолговатую сосульку, пожираемую столбом огня в бирюзовом небе, то усеянную коричневыми пятнами и ватными полосами голубую округлую каплю посреди черноты. После осмотра каждого полотна Игорь качал головой и шёл дальше. Завершив круг, гость устало сказал:

– Ничего! Ни малейшего намёка!

– Есть ещё алтарь в центре, – вспомнил Элар.

Игорь двинулся за принцем медленно, словно боялся приблизиться к тому, что окажется крахом последней надежды. Подняв богато инкрустированную крышку с продолговатого металлического ящика, они уставились на пёструю карту под слоем прозрачного материала.

– Вот сукин сын, – зрачки гостя расширились, он резко замахал руками. На третьем рывке с фонаря слетела пластина. Полившийся свет сдёрнул занавес с храмового убранства и торопливо добрался до окошек вверх.

– Уходим! – принц потянул спутника за рукав и устремился к дверям.

Игорь не отреагировал, рассматривая сшитую из жёл-

тых и зелёных лоскутов тонкую полоску, отсекающую от синей массы моря кривой треугольник залива. Посередине косы чёрным пятнышком проглядывалась фигурка человека. Увидев её, гость загасил фонарь и размеренно зашагал к выходу.

На улице, прогнав тьму факелами, его ждали стражники, при виде нарушителя рассыпавшиеся в стороны как бильярдные шары. Командир поднял кулак, в воздухе просвистела сеть и свалилась точно на Игоря, который не успел остановиться и сразу потерял равновесие. Секунд десять он качался в нерешительности – устоять ему или всё-таки упасть, затем шумно рухнул на землю. Командир молча отжал большой и указательный пальцы, и к барахтающемуся в сети тотчас кинулись два стражника. Быстро запеленав, они положили его на плечи и понесли к воротам.

Элар, искусавший за это время от злости и досады в кровь губы, отлепился от многовекового дуба и заскользил прочь, на бегу прикидывая, когда карета для пленников тронется по обходному пути к Переправе.

...

Принц заглянул в смотровое окошко. Игорь лежал на скамье, положив стянутые бечевой в запястьях руки на грудь. Остановка кареты его нисколько не обеспокоила. Засов поддался с противным скрежетом, но пленник лишь слегка повернул голову.

– Как самочувствие? – Элар присел напротив.

– Самочувствие? Не фонтан, – Игорь болезненно поморщился.

– Ты знаешь, что тебе грозит?

– Уже наслышан, – пленник медленно опустил связанные ноги на пол, затем с трудом сел. – Как чужеземца, осквернившего святыню, меня будет судить Королева. Потом, по всей видимости, казнят при большом стечении народа.

– И что ты думаешь делать?

– Делать? Поживём – увидим! – Игорь пожал плечами. – Принц Элар, вы, кстати, не мой будущий напарник по скамье подсудимых?

– Не дождутся, – Элар криво усмехнулся. – Я смотрю, ты воспользовался моим советом.

– О, да! Услышав про заговор, меня перестали бить и поволокли в карету! Только зачем?

– Это был единственный шанс поговорить перед судом. Кстати, я могу вытащить тебя отсюда, – принц предложил свободу с видом старьевщика, продающего всякое тряпье.

– Что значит могу? – пленник подскочил. – Наверное, хочешь?

– Не забудь, ты здесь по своей глупости, – назидательно покачал пальцем Элар. – Из-за неё я мог ехать с тобой рядом. Так что в обмен на спасение ты будешь мне кое-что должен!

– Не тяни!

– Ты приведёшь ко мне Дейри. Срок не имеет значения – я умею ждать.

– Дейри... Интересное предложение. Только почему она не помогла тебе раньше?

– Ей было не до меня, – принц усмехнулся. – Слишком увлеклась Древними.

Игорь задумался, затем сказал с лёгкой улыбкой:

– Обещаю! Как только закончу дела.

– Вот и хорошо. Я очень надеялся, что ты согласишься, – Элар встал и похлопал пленника по плечу. – И смотри, была у меня рыбка в аквариуме – водорослеед, всё выпрыгнуть норовила. Два раза спасал, а на третий – не судьба...

...

Они стояли на опушке, покрытой снегом, сочащимся из обложных туч. Игорь, укутанный в одежду как капуста, и придавленный горбом тяжёлого рюкзака, опирался на лыжные палки.

– Последний вопрос: что ты делал, если бы я тебя не освободил? – Элар казался не по сезону легко одетым.

– Захватил бы королеву в заложницы!

Принц недоверчиво кашлянул, прикрыв рот рукой.

– Серьёзно, я это планировал! – Игорь постучал палкой о наст. – А потом сказал бы, что если кто выстрелит, рефлексов у меня хватит, чтобы отправить её на тот свет.

Элар зашёлся в хохоте.

– Ты знаешь – нашлось бы очень много желающих! Не исключено, что одним из них оказался бы я! Да и от самой Мэлиэн тебя мог ждать весьма неприятный сюрприз!

– Нечто подобное я предполагал, поэтому стал склоняться к плану Б.

– Какому плану?

– Уже никакому. Хорошо, что их не пришлось претворять в жизнь, – гость усмехнулся и попытался поклониться, что на лыжах и в рюкзаке выглядело достаточно комично. – Благодарю, Ваше высочество! За всё – за одежду, за карту зимовок, за жизнь! За всё!

– Тебе пора, – Элар кивнул в ответ. – До встречи, Древний!

– До встречи! – откликнулся Игорь и уверенным шагом двинулся в Приозёрный лес, вычерчивая на чистой скатерти снега две тонкие полоски.

Принц проводил его взглядом, вскочил на Мару, взял вторую лошадь под уздцы и медленно поехал назад, в Крепь.

...

– Чёрт, было больно! – покрытый испариной Плут ощупывал живот. – Но ты молодец, что показал! Теперь я знаю – это не иллюзия! Ты считал информацию с рюмки!

Я выругался про себя. Теперь его идея-фикс насчёт ракеты на картине только укрепится. Надо же из-за злости так потерять осторожность!

– А что было дальше?

– Дальше? Я очнулся с жутким похмельем! Показать?

– Нет! – Плута снова бросило в пот. – Я спрашиваю об Эларе, Дейри и этом... Игоре!

– Да я откуда знаю! Всё, что видел, тебе показал! – я несколько не лукавил, хотя друг не особо мне верил.

Приёмные родители наверняка ведали больше, но делиться не спешили. Так что я знал ровно столько же, сколько и Плут. Элар с Дейри – легендарные личности прошлого – не поделили власть, что привело к исходу сторонников Элара из Крепи сюда, на юг.

– А больше не пробовал, с рюмкой? – нет, он определённо решил меня сегодня взбесить.

– Ни с рюмкой, ни без рюмки! Отец сказал – интересная способность, но, похоже, один предмет – одно воспоминание...

– Один предмет... – забормотал Плут. – А рюмку не спрятал?

– Стоит в моей комнате на столике, – мне пришлось сделать пару глубоких вдохов перед ответом. – Хочешь проверить?

– Нет, нет, я хочу проверить кое-что другое. И ты очень даже понадобишься. Будь в городе, пожалуйста. Я скоро! – друг вскочил и стал одеваться, путаясь в вещах и глядя не пойми куда. Такие затуманенные глаза у Плута бывали, когда он говорил о новой пассии.

Или о полётах в космос.

2

– Ну, что скажешь об этом? – Плут лучился, словно фосфорное месторождение, держа в руках плоский грязновато-бурый камушек вроде тех, что я любил запускать в воду, но с дыркой внутри.

– Скажи сам, будь добр...

– Этот каменюка с другой планеты! – в голосе не было и намёка на сомнение.

– И? – я настолько устал от космического психоза Плута, что мне давно стали безразличны любые его проявления.

– И ты это докажешь! – друг ткнул мне камнем в лицо так настырно, что я отшатнулся.

– Ты совсем спятил?!

– Ну, в некотором смысле я понормальней тебя буду! Давно ли кое-кто у нас в кому перестал впадать, устраивая битвы в своей голове?

Возразить было нечего: Плут постоянно оберегал меня во время явлений Стража, за что пользовался неограниченной любовью и доверием со стороны приёмных родителей.

– Ладно, что ты хочешь?

– Чтобы ты считал информацию! – камень снова оказался в опасной близости от моего носа.

– Ты знаешь цену? – я посмотрел другу прямо в глаза, но он не дрогнул.

– Ну, подумаешь, умрёшь капельку – быстрее станешь бессмертным!

– Я о настоящей цене! – интересно, насколько ему плевать?

– Так вероятность-то маленькая – могло и в первый раз случиться! – Плут отмахнулся.

М-да, всё-таки ему плевать. Было бы корыто, а свиньи найдутся!

– Прежде чем рискнуть, я хочу знать, почему ты решил, будто этот булыжник оттуда? – я понял, что он не отстанет и придётся уступить.

– Ярви, двадцать лет назад тут упал не метеорит, а корабль! Те кости, что мы раскопали, не человеческие! – друг воодушевился как актёр на премьере. – Это Стер сказала. А ещё она нашла с ними этот камушек. И он не из наших мест...

Стер, значит. В отличие от Плути его напарница по грёзам о космосе обладала взвешенностью суждений, безупречной логикой, и, главное, честностью. Кости, надо признать, и впрямь были странные... А уж как воняли!

– Надеюсь, ты не перевираешь её слова.

– Ярви, ну, подумай, зачем мне это?! – друг возмутился, и, как показалось, искренне.

– Ладно, чёрт с тобой. Давай сюда булыжник! И выметайся! Засов закрыть не забудь!

Подготовившись, я присел на кровать, залпом опустошил

рюмку и постарался не закричать от нахлынувшей волны боли. Кажется, удалось...

...

– Это у кого сколько духовных сил хватит, – фигура Монтаны терялась в тёмном углу деревянного сруба. – За себя три раза. Ещё за кого хотите – тоже три...

Пятеро мужчин – и я среди них – обступили квадрат колодца. Никто не улыбался, всех словно придавил низкий потолок.

– Обычно я, вынырнув, говорю «Слава господу нашему», – скрипучий голос старика скатился до бормотания. – Но это кто во что верит...

– Уже можно? – спросил сосед слева, и, не дожидаясь ответа, стал раздеваться.

Шустрик. Из тех, кто не любит терять ни секунды. Я и не заметил, когда он присоединился к нам. И откуда только взялся? По расписанию транспортов нет уже неделю, первый – сегодня в полдень. Нет и характерного красного загара, прилипающего ко всем, кто пробыл на планете хотя бы два дня.

Незнакомец оказался жилистым и худосочным, чем сразу напомнил Павла, нашего чемпиона-стайера, и, по совместительству, штурмана. Да, отпуск заканчивается послезавтра... Полгода пролетели на сверхсветовой.

Мужчина осторожно спустился по деревянной лестнице в купель. Вода обхватила его по грудь. Сложив руки на плечи

крест накрест, незнакомец погрузился с головой, вынырнул, молча постоял и окунулся снова. После третьего раза он, что-то прошептав, поёжился и...

Ещё три!

Лица моих спутников вытянулись в удивлении. Ну, ладно...

Незнакомец неспешно вылез из колодца и вытерся большим махровым полотенцем. Предусмотрительный – мы не взяли, решив обсохнуть на солнце.

Хрустя налетевшим с ботинок колючим песком, я ходил вдоль оградки и наблюдал за купанием остальных. Один за другим они судорожно глотали воздух, и, как поплавки, выскакивали обратно, стуча зубами – кто громко, кто еле слышно.

Моя очередь. Резиновый коврик напитался сверху каплями и холодил пятки. Два шага, и я разбил чуть рябое зеркало, смыкавшееся над второй ступенькой. На третьей жгутом свело ноги, затем лестница кончилась, и талая вода облачила меня морозным доспехом.

Глубоко вдохнув, я примерил и ледяной шлем.

Раз!

От удара тысячи иголок, впившихся в голову, перехватило дыхание.

Два! Три!

Через силу! Вдох!

Шесть!

И – да! СЕМЬ!

Соскальзывая со ступенек, подтягиваясь за перила, я выпрыгнул из колодца, поймал иронично-насмешливый взгляд незнакомца из-под приподнятых солнцезащитных очков и трясущимися руками кое-как накинул одежду.

Монтана открыл засов и выпустил всех наружу. Когда я подошёл к двери, старик придержал меня за локоть.

– Для себя три раза, сынок. Ещё четыре для того, что аршинными буквами здесь написано, – он постучал мне по лбу грязным пальцем. – Гордыня!

И отпустил. Яркий свет ударил в глаза. Отчаянно жмурясь, я ухватился за поручни на крыльце. Пообвыкнув и отдышавшись, я огляделся. Женщины из нашей группы зашли внутрь. Незнакомца тоже не было.

– А где тот, что полез первым? – спросил я у Виктора, бортмеханика с «Тензора».

– Не знаю... Кто-то вроде авиетку видел.

Совсем интересно. Прилететь на Телег, чтобы нырнуть в колодец? Да, легенды о здешних исцелениях ходят уже и по Союзу, но разве они затмевают красоту озера? Четвёртый раз приезжаю сюда в последние дни отпуска, и каждый раз Телег радуется по-новому.

Только умей получать эту радость – например, не прячась в трюм от грозы (даже такой сумасшедшей, как вчера), если можно залезть в прохладную чистую воду. И тогда от тебя не скроется похожая на белую нитку чёткая грань меж пухлыми

тучами, а облака под ними представляются гигантскими клубами пыли, что поднимают мчащиеся всадники, ещё скрытые горами! А затем над противоположным берегом ты увидишь радугу! Стоя на залитых золотым сиянием скалах, она словно отрежет кусок небосвода, добавив ему с десятков альбедро.

Да, если побывал где-то один раз, это не значит, что ты всё видел...

– Хватит мечтать, Радко! – толкнул меня в бок Виктор. – Пошли к кораблю.

На берег мы спустились по дальней от водопада тропе – поток выстреливает столько брызг, что не нужно купаться, чтобы промокнуть до нитки.

Водная гладь озера, без малейшей рябинки, сегодня просто идеально подходила для «блинчиков». И камешки были что надо, ровные и плоские, как на подбор – с ними регулярно удавалось «испечь» десяток или дюжину, а один раз я сбился со счёта после двадцатого отскока. Когда вернулись женщины, мне попался интересный камень с аккуратным отверстием посередине – на моей родной планете такие называли «богом ящериц» и считали приносящим удачу.

Запихнув находку в рюкзак, я бегом забрался на уткнувшийся носом в гальку корабль. В путь! Курс на главную пристань!

Величие Телега захватывает с первого раза и навсегда, но с трудом поддаётся восприятию. Озеро словно издевается над глазомером. Горы и скалы, нависшие над водной скатер-

тью, кажутся невысокими, и лишь в бинокль видно, что зелёная поросль на склонах не чахлый кустарник, а могучие деревья.

Наш причал там, где Телег поворачивает сразу на восемь румбов. Отсюда можно увидеть оба конца озера – до одного двадцать пять миль, до другого – тринадцать. Этакая огромная буква Г, начертанная линией в двадцать кабельтовых толщиной.

С группой я попрощался ещё на борту – они остаются на ночь, а мне нужно спешить. Как только опустили трап, я прыгнул на берег и побежал к остановке.

Маршрутка, вся пыльная – только на заднем стекле протёрт квадрат для номера, – стояла с заведённым мотором. На Алекне большие запасы углеводов, поэтому местные, не стесняясь, используют старинные двигатели внутреннего сгорания.

Ткано-перетканая, сшитая из локутов асфальта дорога знакома, как рубка «Энтара»: сейчас скала, здесь поворот, там подъём. Трасса идёт вдоль стремительной и мутной Каты, способной в половодье швырять восьмиместный рафт подобно куску пенопласта. Каждый вид вокруг исполнен магнетизма дикой и буйной красоты, за которыми так приятно следить с мягких удобных кресел, если бы не постоянная тряска на разболтанных рессорах.

Для очарованного пассажира машина врывается в Солт совершенно неожиданно. Город, стоящий на слиянии Каты

и Гирки, растёт по узкой долине уступами. Многим с непривычки Солт кажется странным: разрозненные дома, неторопливые люди. Нет многоэтажек и суеты, как в крупных центрах Конфедерации, нет одинаковых зданий, а вместо улиц часто встретишь неспешно ползущие монорельсовые вагончики.

Большинство спутников выходят у Трёх Мостов, неподалёку и моя гостиница, но я еду до конечной, на Смотровую. Машина петляет по серпантину, грозно порывкая на поворотах – и вот мы в полукилометре над городом, обрамлённым туманной дымкой на спинах горных хребтов.

Глядя с обрыва, трудно поверить, что вот эта ниточка – дорога, по которой ты только что ехал. Прямо под ногами бегут лёгкие игривые облачка, то открывая, то пряча изящные домики, роскошные парки и замки с ажурными башнями, словно перенесённые из древних земных сказок. Сверху всё кажется далеко-далеко, а внизу – два шага пройти. Только не заблудись на закрученных, как собачий хвост, улицах.

Ладно, пора в гостиницу, Павел, небось, уже матерится про себя. Сейчас посидим у Мостов, а завтра полезем на Кунгут, где несут вечную вахту облака, похожие на следы рифлёных десантных башмаков. Вот такое традиционное окончание отпуска...

В двери «Звёздной» я заскочил под вечер. Штурмана в холле не наблюдалось.

– Подскажите номер Павла Беркутова, пожалуйста, –

спросил я на регистрации.

Портье скучающе изучил список постояльцев и равнодушно бросил:

– Павел Беркутов у нас не останавливался.

Странно. Транспорт уже семь часов как на планете – Космофлот не опаздывает.

– Чудеса. Тогда дайте ключ от триста первой и подключите ГИС.

Портье всё так же безучастно кивнул и протянул два пластиковых прямоугольника, раздвинув их словно игральные карты.

«Звёздная» вообще забавная гостиница. Обстановка в ней даже спартанцу может показаться неудобной. Кровать, стул, стол – дёшево и сердито. Зато вид из окна! Здание прилепилось к склону, и парадный вход находится на четвёртом этаже. Поэтому из моего номера видны не соседние дома, а горы на горизонте. И все Три Моста!

Кинув рюкзак на койку, я засунул ГИС-карточку в терминал. Неспешно, как и всё на этой планете, выехала клавиатура. Монитор, словно издеваясь, разгорался ещё дольше.

Спасибо, новостей двухнедельной давности нам не надо. Да и свежих не очень хочется – телевидение лишает сопричастности, уменьшая великое до мелкого прямоугольника экрана. Глобальная Информационная Система тем и хороша, что она глобальная, но о чём-то действительно важном сообщат капитану по экстренной связи.

Так, проверим в местных гостиницах... Секунда. Другая. Штурмана нет.

Куда он делся-то, чертяка? Ладно, посмотрим пассажиров сегодняшнего транспорта.

И здесь нет!

Получается, завтра вместе с бортмехаником? Но это с другой стороны Конфедерации! Павел изменил планы на отпуск? На него не похоже.

Результаты запроса вдруг исчезли с монитора, вытесненные узким лицом мужчины в зрелых годах.

– Явился, наконец, – недовольно буркнул он вместо приветствия, прищурив глубоко посаженные зелёные глаза.

– Привет, кэп! Что-то случилось?

– Так, небольшая загвоздочка, – капитан смешно дёрнул крючковатым носом, как обычно, когда что-то шло не по плану. – Вот что, собирай барахлишко и выходи, мы сейчас тебя подхватим!

– Кэп, ещё отпуск! – возмутился я.

– Я тебя отзываю! – мой недовольный тон не произвёл на него никакого впечатления. – Конец связи!

Забрав вещи из камеры хранения, я поднимался по винтовой лестнице и обескураженно ломал голову: зачем капитану понадобилось покушаться на святая святых – отпуск космолотчиков? Да, я понимаю, у него отдых на полмесяца меньше – надо принимать корабль из ремонта, но раньше он таких фокусов не выкидывал.

Шеф ждал сразу за калиткой, поглаживая кончиками пальцев короткую белую шевелюру, особенно колоритную на фоне лица древнего индейца.

– Садись! – приказал он.

– Что происходит? – я забрался на заднее сиденье авиетки, не самое уютное в этой модели.

– Мы сегодня стартуем, – капитан устроился рядом с водителем.

– А Павел? – опешил я. – То есть штурман?

– Штурман... Есть у нас штурман! – шеф кивнул на рулевого.

Тот повернул тёмноволосую голову и натянуто улыбнулся, сверля меня из-под солнцезащитных очков тем же насмешливым взглядом.

– Привет, герой!

– Вы знакомы? – удивился капитан.

– Пересекались... – то ли скривился, то ли усмехнулся новый штурман. – Сегодня...

– На Телеге, что ли?

– Ага, – несмотря на выразительную мимику, его глаза казались какими-то потухшими.

– Радко, это Алексей Завьялов, – капитан сел вполоборота, неудобно изогнувшись. – А это наш драгоценный пилот – Радко Сербенин.

– Вот оно как, – новенький нахмурился, и вместо традиционного рукопожатия взялся за рычаги управления.

Тот ещё хам!

Пока авиетка набирала высоту, лицо Завьялова грустнело, уголки по-детски пухлых губ опустились. Он выглядел лет на двадцать пять – моложе всех нас – и плевать я хотел на его выходки, если бы не полумистическая роль штурманов в Космофлоте.

У нас разные зоны ответственности: моя – досветовые скорости, его – межзвёздные гонки. Обычно капитан называл пункт назначения, штурман делал расчёты на своём компьютере и выдавал программу полёта. Затем перед прыжком штурман – и только штурман! – должен подтвердить её личным кодом. Ходили слухи, что при ошибке корабль автоматически возвращался на главную базу Космофлота.

А если верить другим слухам, то штурмана – и вовсе представители Совета Безопасности. Я не раз спрашивал Павла, а тот уводил взгляд в сторону – то ли поддерживал ореол таинственности, то ли и вправду было что скрывать.

Тем не менее, это могло объяснить неожиданный Юрьев день, то бишь ротацию кадров! Самое удивительное: нарушилось неписаное правило Космофлота – менять экипажи только в случаях острой психологической несовместимости. А наш был на зависть всем крепко спаянный, дружный и сплочённый!

Авиетка зависла в густом тумане – слой облаков всегда окружал плато Ротберга. Скоро и перевал. Словно подслушав мысли, авиетка вырвалась из плена пелены, нырнула

вниз, и стадо белых барашков скрылось за горами.

Космодром начинался сразу за перевалом и занимал всё плато целиком. Звучит внушительно, если не знать размеры – три на два километра.

Сейчас в порту стоял одинокий корабль. Наш «Энтар-М». Небольшой, приземистый, малозаметный даже здесь. Настоящий разведчик.

Штурман посадил авиетку у трапа. Я выбрался на ровный бетон и принялся разминать затёкшие ноги, любуясь кораблём. Как всегда после ремонта, он сверкал и блестел, и казался чуточку чужим.

– Пошли в рубку, познакомимся с ксенологом, – капитан убежал по сходням и ждал в шлюзе.

Я забрал вещи и последовал за ним. Завьялов остался отогнать авиетку. Проскочив за полминуты узкий коридор, я оказался в тесной рубке, заодно служившей и кают-компанией.

– Здравствуйте, Лурвил! – Капитан стоял у дверей.

– Добрый вечер, – ответил надтреснутый голос.

Кресло старшего вахтенного неспешно развернулось. Я оторопел. Ксенолог и должен быть новый, но ринкшасец?!

Вот так сюрприз!

Странная раса. Не только внешне, хотя их безносые, безгубые, безухие физиономии поначалу вызывали неприязнь.

И судьба у них не менее странная. Если верить сохранившимся преданиям, они изобрели струнный двигатель при-

мерно в одно время с людьми, но первая звёздная экспедиция где-то сгинула, даже не выйдя на связь. После чего ринкшасцы решили выяснить, кто устроил саботаж. Иногда, правда, виноватых лучше не искать...

В общем, в результате войны всех против всех уцелевшие доживали как разумная раса последние деньки, без передышки грызясь между собой.

И тогда напал Враг...

Да, это случилось двести семь лет назад. Исследователи вроде нас обнаружили Ринкшасу, когда силы планеты, наконец объединённые, давали решительный (кое-кто говорит и последний) бой Врагу. Вызванные на подмогу крейсера Военного Отдела обратили нападавших в бегство. К сожалению, в неизвестном направлении.

С тех пор ринкшасцы имеют ореол мучеников. Единственная раса, кроме человечества, испытавшая на себе, что такое схватка с Врагом – этим вечным пугалом для союзничков! Но если воспоминания людей о войне походили на туманные легенды, то Ринкшаса была ярким и совсем недавним примером.

– Радко, ты меня слышишь? – недовольный голос капитана вывел меня из ступора. – Пилот, что ты вытаращился, как младенец, которому соску мёдом намазали?

Мы обменялись приветствиями с ксенологом, и тот сразу уткнулся в переносной компьютер. Работоголик.

– Я здесь, – в дверь засунулся штурман. Тёмные очки ку-

да-то исчезли. – Пора!

– А Олег? – я ничего не понимал. – Что, и его не будет?

– Ну, не можем мы ждать вечность! – шеф сначала словно умолял в отчаянии, затем вернулся к нормальному тону. – И на короткие перелёты бортмеханик необязателен!

– Знаете, Цезарь тоже поспешил к Помпею в Грецию! – память услужливо подсказала подходящий пример. – И проиграл сражение при Диррахии!

– Радко у нас – знаток истории, особенно древней, – капитан вопреки обыкновению не улыбнулся. – Алексей, Лурвил, займите, пожалуйста, места в своих каютах, мы взлетаем. Пилот, ты вещи занесёшь потом.

Ксенолог поднялся и вышел вслед за штурманом. Я занял место старшего вахтенного и принялся готовить корабль к запуску под чутким контролем капитана.

– Выйдешь за атмосферу – сразу к зоне струны.

– С какой скоростью?

– Достичь в течение часа.

Вот и ответ, почему ремонтная база находится на этой далёкой немногочисленной планете – здесь очень спокойная гравитация. На самой Алекне сила тяжести составляла три четверти от стандартной, и сейчас Комп потихоньку – промилле за промилле – её увеличивал.

Я выжал из антигравов требуемую скорость. Корабль на всех досветовых парах мчал к месту, где капитан запустит струнный двигатель, и мы, как объясняли в школе, преобра-

зуюемся в гравитационный пакет. И прыгнем по струне, ведущей от начальной до конечной точек маршрута. А чтобы с нами по пути ничего не случилось, генераторы создадут сферу стабильной гравитации.

Остаётся, правда, опасность угодить в область резких изменений напряжённости гравиполя – настоящий ночной кошмар космонавтов. Там струна может расслоиться, а гравпакет – деформироваться из-за передачи частей с разной скоростью. Поэтому главное на любом звездолёте – датчики напряжённости гравиполя, которые в случае необходимости тормозят корабль.

Я посмотрел на них: показания почти в нуле. Взлёт с Алекны – рутинное мероприятие, проделываемое раз в пятый. Только обычно так резвиться не дозволялось. В общем, я управился за установленный час, к исходу которого в рубку явился штурман.

– Объявляю полётное задание! – капитан не стал ждать ксенолога, так и сидящего, наверное, в обнимку с компом. – Наша цель – система в пяти парсеках к скоплению Рёша. Расчётное время прибытия – завтра в 16–30.

– Через сколько? – воскликнул я, сделав в уме нехитрые подсчёты. – Это же на предельной!

– Пререкаемся? – ехидно произнёс новенький. Глаза без очков оказались серыми. – Дисциплине в школе не учили? Только истории? Или трудно повнимательней следить за датчиками?

Всё ему не так! Явно из Военного Отдела!

– Назначаю порядок вахтенных, – капитан подчёркнуто проигнорировал выпад Завьялова, – я, ксенолог, штурман, пилот. Учитывая скорость, напоминаю – только при исправности датчиков напряжённости мы будем в безопасности.

Он что, издевается? Этот шустрик старший надо мной?!

– Часы отдыха сокращены, – шеф сочувственно поджал губы.

Да, отсутствие бортмеханика всё сбило. Обычный график в полёте – десять часов вахты, пятнадцать – отдыха. На разных планетах суточные циклы, конечно, отличаются, но в Космофлоте использовали стандартные двадцатипятичасовые сутки, близкие к древнему циклу Земли.

– Принеси поесть! – капитан тактично напомнил, что моя миссия выполнена, и пора освободить кресло. Опять я не увижу самого интересного: в каютах прыжок совсем не ощущается. – И штурману тоже. Пока тебя искали, перехватить было нечего.

Желание старшего вахтенного – закон!

В служебном коридоре я остановился перед дверью в столовую и прислушался к тонкому пению силовых установок, особенно хорошо слышному здесь. Словно гудит улей на медосборе. Вообще, корабли Исследовательского Отдела всегда напоминали мне маленьких трудолюбивых пчёл, кружащих на границах Межзвёздного Союза в поисках его новых членов или планет, пригодных для заселения.

Взяв три стандартных обеда, я осторожно вернулся в рубку, стараясь не уронить громоздкие пакеты.

– Не прошло и полгода! – отблагодарил капитан, забирая еду. – Радко, поделись, как ты смог пройти пять метров за пять минут? Тебе бы вместо Павла в соревнованиях участвовать! Немедленно спать, курица сонная!

Я не обратил внимания на его подколки. Похоже, он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Отдав штурману пакет, я получил в ответ короткое «Спасибо!», после чего пожелал всем спокойной вахты, прихватил вещи и отправился в каюту насыщать свой желудок.

Конечно, синтетическая еда так себе, и поэтому любой экипаж берёт запасы консервированной натуральной пищи. Тоже не большая вкуснятина, но, по крайней мере, не вызывает неприятных ассоциаций. Кинув обёртки в утилизатор, я улёгся на койку и задумался.

Что всё-таки происходит?

Старт без бортмеханика, запредельные скорости, внеплановая замена штурмана. И как вишенка на торте – ринкша-сец.

Вообще-то, пять парсеков – это инспекционная поездка. Хотя нет, звёздные системы к скоплению Рёша считались бесперспективными в поисках жизни и ресурсы на них решили не тратить. Всё-таки исследование? Зачем тогда экипаж перетряхивать?

Предположим, Космофлот непричастен к ротации. Впол-

не вероятно, что и Совбез, и Совет Науки – ни для кого не секрет, что ксенологи на исследовательских кораблях, вроде нашего «Энтара», это люди (или инопланетяне) СН – решили заменить своих представителей, а Космофлоту осталось лишь подчиниться. Но почему ринкшасец?

СБ и СН не то чтобы враждуют, но преследуют разные цели – Совет Науки всегда стремился к равноправному положению всех рас в Межзвёздном Союзе, а Совбез последовательно выступал за доминирующее положение Земной Конфедерации. Самое интересное, что оба течения возглавляют люди, а остальным вроде как всё равно. Кроме ринкшасцев.

Учитывая обстоятельства, новоявленных мучеников быстренько приняли в Союз, и со временем они стали занимать всё более видное место в Совете Науки, благо их природные способности не ниже людских. Стакнувшись с людьми-экуменистами, ринкшасцы подняли вопрос о переводе Космофлота из-под юрисдикции Конфедерации под юрисдикцию Союза. Разговор вёлся о дискриминации других членов Союза (которым опять же, по большому счёту, было по барабану), о недопущении других рас к управлению космическим транспортом, на что Конфедерация предложила создать собственный флот, если им так хочется чем-нибудь порулить. СН отступил, не желая портить отношений с Космофлотом.

Затем некстати случился бунт на Терсофии, и Совет Науки получил поддержку большинства послов Союза. Чрезвы-

чайное Высшее собрание решило принять Космофлот в дар, на что Совбез, естественно, сразу наложил вето. С тех пор два Совета недолюбливают друг друга, а Космофлот делает вид, что ничего не произошло и не происходит.

Экуменисты в чём-то, конечно, правы. Например, в школе пилотов на главной базе Исследовательского Отдела можно встретить курсанта любой расы. Мы жили в настоящем вавилонском смешении народов и языков. Рядом бурлил такой же фонтан школы бортмехаников. Где учат штурманов, для меня и по сей день секрет, а ксенологов всегда поставлял Совет Науки. Но капитанов готовили на нашей планете, только в другом полушарии – мы иногда приезжали к ним. И вот загвоздочка, как говаривает шеф.

Я никогда не встречал капитана, ранее служившего штурманом или ксенологом! Либо пилоты, либо бортмеханики. (Мне работа пилота пока нравится, но когда-нибудь – кто знает?) И самое главное – все они были людьми. Все капитаны, а также штурмана. Полный контроль над межзвёздными сообщениями оставался в руках землян. Привилегия, с которой мы никак не желали расстаться, несмотря на попытки Совета Науки раскулачить Конфедерацию...

– Просыпайся!

Кто-то энергично тряс меня за плечо. Гравпакет, в который я был преобразован, почувствовал себя неуютно.

– Ты что делаешь в моей каюте? – спросил я наклонившегося надо мной штурмана.

– Тебя бужу! – буркнул он. – Хватит дрыхнуть – десять часов провалялся!

– Моё время! – возмутился я спросонья. – Хочу – все пятнадцать сплю!

– Пилот, какие пятнадцать?! – Завьялов неподдельно изумился. – Ты, кроме истории, что-нибудь помнишь? Твоя вахта!

Он вышел, покачивая головой. Я бросился за ним, на ходу одеваясь и злясь на свою забывчивость.

– Штурман, вы не ответили, – ещё в коридоре я услышал голос ксенолога. – Почему именно люди?

Разговор, видимо, длился давно.

– Ваш вопрос, Лурвил, некорректен, – штурман занял свободное место старшего вахтенного. – Постараюсь объяснить, как я вижу проблему. Человек так устроен, что рано или поздно он должен бросить вызов тому, что выше его сил – только это сможет оправдать в его глазах собственное существование. И если он бросает правильный вызов, то к нему непременно начинают присоединяться другие, объединённой силой стараясь укротить невозможное. Именно это оправдывает человечество!

Безгубый рот ринкшасца странно зашевелился, когда он спросил:

– Допустим, Гитлер – самый одиозный политик вашей истории – тоже объединил множество людей. Вы хотите сказать, он оправдал этим своё существование?

– Почему вы всё время передёргиваете? – судя по с трудом скрываемому раздражению Завьялову разговор поднадоел. – Что такого невозможного в возбуждении у людей низменных эмоций и устремлений? Борьба с ними – вот правильный вызов!

Лурвил напряжённо стоял, облокотившись на кресло второго вахтенного. Будь он человеком, я бы сказал, что он кусает губы.

– Безусловно, программа, и сама идея Союза содержат миссионерские мотивы. Но почему вы ничем не делитесь?

Штурман удивлённо приподнял густые брови.

– Вы, полагаю, считаете, что только наличие у граждан оружия даёт гарантию того, что правительство управляет с согласия управляемых?

На синем безносом лице не промелькнуло и тени улыбки. А ведь ринкшасцы не из тех рас, которые не знают, что такое смех. Кажется, лучше перенаправить разговор.

– Каждая жизнь во Вселенной священна! – Спорящие дружно повернулись ко мне. – И оружие не должно раздаваться всем желающим! Это так же точно, как то, что Юлия Цезаря убили 15 марта 44 года до нашей эры!

– А тебе это откуда известно? – протяжно вздохнул штурман.

– Что? – не понял я.

– Про Юлия Цезаря!

Вот как! Новенький не уставал удивлять.

– Это всем известно!

– Говори конкретно за себя! – Завьялов сделал ударение на последнем слове.

Опять ему не так! К чему он клонит?

– Из книг по Древней истории! – этот форменный допрос начинал злить. – Римская хронология, вообще, самая достоверная!

– Она случайно не основана на датировании по консулам? – штурман развернул кресло ко мне.

– Ну, да! Это датирование употреблялось ещё в пятом веке, – а ты не полный профан, как остальные. Но и я не зря до дыр зачитывал толстенные фолианты в библиотеке. – Дионисий, который и предложил эру от Рождества Христова, датировал своё «Вычисление пасхалий» годом консула Проба Младшего. И там же он 562-й год ставит в соответствие двадцать первому году после консульства Василия. Дальнейшее, имея полные списки консулов за тысячу лет от Брута и Коллатина до этого Василия, дело техники!

– А ты сам когда-нибудь заглядывал в эти списки? – кажется, Завьялову было просто любопытно.

Я замялся: хронологические таблицы наводили на меня тоску.

– Похоже, что нет, – глаза штурмана загорелись знакомым недобрым огоньком. – А чтение преинтереснейшее! Можно, например, увидеть бесчисленные пропуски, заполненные безымянными военными трибунами с консульской властью.

Или что списки кончаются 337-м годом нашей эры. Резонный вопрос: где консулы следующих двухсот лет? И самое главное: где, кем и когда эти списки были впервые составлены?

Тут новенький промахнулся.

– Списки римских консулов дошли до нас в Капитолийских фастах и в «Истории» Тита Ливия!

– «Почтенному Ливийцу», – Завьялов скептически хмыкнул, – и сами историки доверяют с большой осторожностью, считая его труд всего лишь историческим романом. Что до фаст...

Штурман нахмурил брови и задумался на десяток секунд.

– Фасты... Фасты впервые изданы в шестнадцатом веке Сигонием. Работа его, по мнению источниковедов, результат кропотливого труда и замечательного остроумия, что в переводе с научного означает – подготавливая фасты к печати, Сигоний приводил их в порядок, редактировал и дополнял. Всё бы ничего, но это тот самый Сигоний, который как бы «в шутку» фальсифицировал римские рукописи!

Завьялов с довольной физиономией откинулся на спинку кресла. У меня внутри всё кипело.

– Есть и другие источники!

Как жаль, что книг под рукой нет!

– Да, есть, – спокойно ответил штурман. – Из них известно, что Диоклетиан ввёл в Египте датирование по консульскому году. Не означает ли это, что и вообще датирование

по консулам было введено только при Диоклетиане? И про «Царский канон Птолемея» не надо рассказывать! Потому как в нём список властителей продолжается до падения Константинополя в 1453 году! Остальные известные источники относятся, самое раннее, к пятому – седьмым векам нашей эры. А теперь, – Завьялов направил на меня указательный палец, – включаем мозги! Компьютеров тогда не было. Надёжных материалов для записей тоже. Ближайшая летопись составлена через шестьсот лет. Шестьсот! И после этого ты будешь утверждать, что всем достоверно известно, когда убили Юлия Цезаря?

Ответить на вываленную кучу непроверяемых фактов и домыслов было нечем – запас удерживаемых в голове знаний не позволял.

Штурман медленно, с плохо скрываемой усмешкой, отвернулся. Ринкшасец смотрел на него с невольным уважением. Я молчал, и чтобы успокоиться, перекатывался с пяток на носки.

– СербЕнин, – Завьялов продолжал изучать приборную панель, – вы на вахту собираетесь заступать? Впрочем, Лурвил, подождите, пока посланник сонного царства умоется...

Дьявол, за этой перепалкой обо всём забыл. Ксенолог, видимо, тоже. Идя по коридору, я с трудом сдерживал желание засадить в стенку кулаком. Вот шеф удружил! Пять часов под началом этого самоуверенного всезнайки! Умеет взбесить!

Холодный ливень привёл меня в чувство. Вернувшись из душевой, я без лишних слов принял вахту и стал проверять показания датчиков.

– СербЕнин, – штурман, похоже, не собирался оставлять меня в покое, – почему ты не военный?

– Я не СербЕнин, я – СербенИн!

Хватит коверкать мою фамилию!

– Тем более! Ты же серб!

– В армию берут здоровых, а спрашивают как с умных, – не удержался я от присловья, популярного у исследователей.

– Так ты ещё и болен? – с нарочитым сочувствием спросил Завьялов.

О, Господи!

– Я – пацифист! – моё возмущение вырвалось наружу с криком. – И я вправду считаю, что каждая жизнь во Вселенной священна!

– Ты – романтик, – новенький внезапно располагающе улыбнулся. – Соответственно, и на историю смотришь как на предмет морального и нравственного свойства, а не научно-го. Займись лучше проверкой курса!

Штурман явно указал заданием, что разговор окончен.

Армия здесь, не армия, а приказ надо выполнять. В 7-30 по корабельному времени я взялся за лоции. Ну, да, всё правильно. Известных зон возмущения по курсу не было, и «Энтар» стремительно скользил по прямой, невидимый ни для кого.

Во время проверки я украдкой поглядывал на Завьялова. Тот сидел, безмолвно уставившись на обзорный монитор с привычной россыпью мерцающих светил. На первый взгляд, экран представлялся застывшей картинкой, но к концу вахты на нём лишь с большим трудом можно будет найти знакомые звёзды.

Забавно! Только сейчас заметил: оказывается, штурман носит кольца! Целых два! Одно массивное, тусклое, и почти неприметное, другое изящное, серебристое, с маленьким блестящим камушком. Что тут скажешь? В наше время страсть к подобным украшениям – редкость. Впрочем, и без этого Завьялов личность странная и малоприветная. Ведёт себя как Господин Превосходство. Так что я пожал плечами и стал заниматься рутинной работой вахтенного, проверив в первую очередь датчики напряжённости.

Всё это время штурман продолжал меланхолично смотреть на звёзды. И как ему не надоест? Может, он спит с открытыми глазами? Заговорить с ним я не решился, и просто вздохнул с облегчением, когда в старый полдень Завьялова сменил шеф.

Стоило штурману покинуть рубку, как я довольно потёр руки. Давненько предвкушал момент, когда в моём временном подчинении окажется сам капитан! До этого как-то не случалось. Но особо покомандовать не пришлось, кроме распоряжения о традиционном перекусе при пересменке. Всё шло обычным порядком. Шеф регулярно снимал показания,

коротко бросал: «Норма!», а я кивал.

Этакая проверка – не спит ли старший? В школе пилотов учили: вахтенный после пяти часов не в состоянии внимательно следить за приборами. Его задача – борьба со сном!

Когда часы показали 15–30, капитан снова примерил роль главного.

– Буди всех! – шеф встал, и, повернувшись лицом ко мне, подпёр панель управления.

Первым пришёл штурман и бесцеремонно занял свободное место. Выглядел он свежим и отдохнувшим, хотя спал самое большее часа три. Зевающий ксенолог облокотился на спинку кресла Завьялова, выжидаяще уставившись на капитана. Шеф, сосредоточенно изучая наручный хронометр, выдержал паузу и объявил:

– До выхода из прыжка осталось около часа.

Так, сейчас про новый распорядок...

– Перед тем, как объявить новый распорядок, хочу кое-что рассказать, – кэп дёрнул носом и внимательно посмотрел на нас, словно оценивая, стоит ли нам доверять. – Район, куда мы летим, последние полгода исследовали наши коллеги – «Энтар» капитана Краева. Неделю назад по экстренной связи они сообщили, что обнаружили искусственный планетоид, пригодный для базирования тяжёлых космических кораблей. Краев успел передать несколько снимков, потом связь прервалась. Восстановить её до сих пор не удалось...

Ого! Теперь ясно, с чего всполошились оба Совета!

– А почему не послали крейсер? – вырвалось у меня. Блин, глупость сморозил!

Шеф снисходительно усмехнулся.

– Крейсер-то послали, но его скорость... Военные будут дней через пять. А мы осуществим сбор первичной информации. Сейчас я покажу фотографии.

Звёзды на экране моргнули и исчезли, уступив место серому, с красноватым отливом, шару.

– Планетоид вращается по эллиптической орбите на расстоянии десяти световых минут от местного солнца, – шар двинулся на нас. – Гравитация, по предварительной оценке, около половины стандартной, что позволяет принимать большие транспортные корабли.

Серый цвет заполнил весь экран. На фоне безжизненного пустынного пейзажа стали различимы явно искусственные сооружения. Среди них выделялись три высокие металлические башни, очень похожие на те, что в Космофлоте используются для обслуживания транспортов.

– Это, по всей видимости, причальные мачты, – капитан сделал увеличение сильнее. – Краев предположил, что планетоид создан неизвестной цивилизацией как порт для кораблей.

– База Врага? – ахнул я и посмотрел на остальных.

Штурман скептически нахмурился, а в глазах ринкшасца мелькнуло какое-то и вовсе дикое выражение.

– Есть вопросы? – шеф проигнорировал мой вопль.

– Мне кажется, – вдруг сказал Завьялов, – что Краев ошибся. Больше похоже на обычную планету, приспособленную под базу.

– Это нам и предстоит выяснить, – ответил капитан. – Сейчас – новый распорядок. После выхода в обычное пространство назначается вахта: старший – я, помощник – пилот.

Вот те раз! Это он здорово придумал: продлить вахту! А мой законный отдых? Глаза уже в кучу!

– Прошу разойтись по местам. Перед выходом будет объявлена пятиминутная готовность.

В отличие от ринкшасца штурман покинул рубку не спеша, словно нехотя. Сначала он долго вставал, цепляясь взглядом за экран. Затем притормозил у двери, похоже, собираясь что-то сказать. Но когда я обернулся, Завьялова не было.

Я вспомнил его слова, и понял, что имел в виду штурман. Действительно, цивилизация, приспособившая под свою базу планету – это одно, а создавшая базу величиной с планету – совсем другое. От такого и господину Превосходство не по себе. А если это и вправду база легендарного Врага?

И что могло случиться с кораблём Краева?

Тону.

Тону в болоте нехватки фактов.

Займусь лучше тестированием систем ручного управления. Не один раз после ремонтов случилось встретить но-

вые идиотские настройки, могущие показаться разумными только сварганившему их механику-теоретику. Вообще-то, я должен был сделать это перед стартом, но...

– Десять минут, – нарушил тишину капитан, запросив формальное согласие старшего вахтенного. – Включаю систему оповещения.

– Хорошо, – я кивнул, одновременно завершая тестирование. На этот раз механик попался грамотный. Или ленивый.

Так, до цели примерно одна десятая парсека. Как подтверждение, точно в центре экрана горела яркая звезда, чей блеск усиливался с каждым мгновением. Жёлтая, чуть с оранжевым отливом, она показалась похожей на Солнце моей далёкой родной планеты, но... Солнце у каждого своё, секундное впечатление рассеялось.

– Пятиминутная готовность! – заревел механический голос. У новичков от него с непривычки закладывало уши. – Пятиминутная готовность! Экипажу лечь в койки, вахте сесть в кресла. Всем пристегнуть ремни! Пятиминутная готовность...

Мы вынырнем в трёх световых часах от звезды, иначе возникнет опасность деформации. Что до ремней, то они нужны только при экстренном торможении, когда бушующая гравитация разбивается на локальные всплески и тонкими жгутами может прорваться сквозь защиту. Но где гарантия, что и при штатном выходе корабль не наскочит на какой-нибудь шальной метеорит?

Я пристегнул ремни и замер в ожидании. В ушах стучало: сердце успокоиться по приказу не заставишь.

Звёзды померкли на миг и вернулись даже чуть более яркими. Обычный психологический эффект. В животе легко засосало. В отличие от незаметного начала, выход из прыжка захватывал дух, как попадание в воздушную яму на дельтаплане.

Всё! Мы в световом пространстве! Местное солнце выглядело небольшим кружочком.

– Радко, – капитан снова стал главным, и напомнил, что начинается моя работа. – Летим к центру системы с таким расчётом, чтобы примерно через сутки подойти к нужной планете.

Я не успел повернуться к своей панели запросов, как явились остальные.

– Алексей, следишь за системами защиты, – продолжил распоряжаться шеф. – Лурвил, определите параметры планет и ищите космические корабли. Все могут оставаться в рубке.

Работа закипела. Моя задача выглядела относительно простой: мы вышли далеко от плоскости системы и особых помех на пути не предвиделось. На расчёты и ввод программы мне потребовалось две минуты. Ксенологу чуть больше.

– У звезды четыре спутника, – доложил ринкшасец. Это я знал без него. – Два из них – удалённые газовые гиганты, один – маленький камушек на низкой орбите. Наша цель –

вторая от солнца. Период обращения полтора стандартных года. Гравитация – 0,55 стандартной. Признаков других космических кораблей в системе нет. Надеюсь, мы тоже не обнаружены.

– Исследовательские корабли созданы для того, чтобы исследовали они, а не их, – пробурчал капитан. – Продолжать поиск! Алексей, включи маскировку!

Что-то шеф горячится. При таком удалении с нашими размерами и на малой скорости нас всё равно бы не засекали, а на связь теперь не выйти.

Следующие два часа промчались без особых событий. Штурман с ксенологом несколько раз приходили и уходили, затем приволокли раскладные стулья. Внимательно смотреть, что делают остальные, было некогда. Курс нуждался в постоянной корректировке по вновь прибывающим данным. Утомительно и требует непрерывных расчётов, но интересно.

Глаза, тем не менее, слезились. Неудивительно – с семи на ногах. Надо бы отпроситься поспать перед возможной посадкой.

– Дардн!

Ушам стало больно. Всё-таки в языке этой расы слишком много ультразвуковых обертонов.

– Корабль! – Ксенолог стоял навытяжку с взъерошенными волосами и глазами с блюдце.

Честно говоря, глаза и волосы ринкшасцев восполняют

отсутствие других человеческих черт и делают их иногда даже большими людьми, чем сами люди.

– Где? – пальцы шефа вцепились в подлокотники, как в страховочный фал.

– Сейчас, – ксенолог засуетился. На боковом экране появилась модель системы: вокруг жёлтой сферы по желобкам-орбитам катились шарики разных величины и цвета. Впрочем, они не катились, а стояли на месте. Высоко над третьей планетой загорелась маленькая синяя звёздочка.

– Это мы, – прокомментировал ринкшасец. – А вот другой корабль!

Далеко от нас, за пределами четвёртого желобка ползла к центру ярко-красная точка. Солнце вдруг ощетинилось двумя лучами, стремительно пронзившими оба корабля.

– Угол между векторами движения, не считая отклонений от плоскости системы, примерно сто шестьдесят градусов. Они идут на половине световой и будут у второй планеты через пять часов.

– Удалось опознать корабль? – спросил шеф, не ослабляя хватки.

– Нет. Люди таких не строили.

Понятное дело: кто ещё в Союзе изобретал струнные корабли? Разве что сами ринкшасцы, но очень давно. Хотя каждая союзная раса смастерила в своё время фотонный звездолёт. Ведь только убедившись в желании достичь других миров, Союз направляет посланников.

– Загвоздочка. Есть какие-нибудь предложения? – в соответствии с традицией обратился к нам капитан.

– Надо попробовать пойти на контакт, – с непонятной самому робостью предложил я.

Никто не возразил.

– Хорошо, – кивнул шеф, отчаянно тря горбинку. – Радко, увеличь скорость до трети световой.

– Но мы опоздаем! – выполняя приказ, компьютер в моей голове вёл подсчёты.

– Иди лучше спать, – ответил капитан. – Я тебя подменю.

Благодарный шефу за заботу, и чуточку обескураженный непривычно грубой формой её проявления, я ушёл с надеждой, что без меня ничего экстраординарного не произойдёт.

Войдя в каюту, я, не раздеваясь и не расправляя койку, уткнулся лицом в жёсткую походную подушку. Полежал минут пять без движения, но не засыпалось. Сердце колотилось от предвкушения встречи с новой расой. И какой!!! Со своим струнным кораблём!

А если это легендарный Враг?

Меня прошиб пот. Я вспомнил разнесённую на булыжники планету Врага. Неприятное зрелище, особенно когда знаешь о том, что где-то на краю Галактики точно так же летают осколки Земли.

Кусаемый со всех сторон сомнениями и догадками, я вертелся, как маховик стабилизатора. К концу такого желанного отдыха я скомкал всё одеяло и ни минуты не спал.

– Вставай, – скрежещущим голосом прервал мои метания зашедший ксенолог. – Они на подлёте.

Совершенно разбитый, я поплёлся в уборную. Бриться не было ни сил, ни желания, и только сверхконтрастный душ немного привёл меня в чувство.

В рубке царила необычайная тишина, все пристально смотрели на экран, где маленькая точка приближалась к огромной сфере.

– Пошли на посадку, – сообщил Завьялов. – А перед этим сделали пару витков.

– Радко, начинай торможение, – шеф мгновенно освободил кресло. – Алексей, проверь маскировку.

Я принялся за работу. Не думайте, что это легко – надо перейти с субсвета на скорости, выверенные до метра в секунду! Здесь требуются полное внимание и сосредоточенность, а сейчас все, как назло, хором обсуждали чужака.

– Они приземляются! – скрипел ксенолог.

Будто никто не видит!

Ловя садящийся корабль, камера скользила по поверхности планеты, усеянной песчинками зданий и проплешинами пустых площадей. Песчинки потихоньку росли в камушки, между ними проявилась длинная белая нитка.

– Комп, стой! – завопил штурман. Картинка послушно застыла. – Увеличь изображение!

По-прежнему держа чужака в фокусе, камера будто прыгнула к планете. Разрешения её объектива не хватало для иде-

альной чёткости, и хорошо виден был только пустырь внизу. Расплывчатый инопланетянин приземлился около расплывшейся нитки.

– Что это? – Завьялов показал на металлическое пятно рядом с ним. Мне вдруг захотелось ответить. Знакомые обводы, конфигурация, некрасивая угловатая мощь трудяги-перевозчика...

– Транспорт, – тихо сказал я. – Но точно не корабль Краева.

– Неужели тот самый? – шеф побледнел.

– Критическая ситуация! – штурман вдруг стал вбивать слова нам в уши, будто гвозди. – Критическая ситуация!

Завьялов требовательно и настойчиво повторил это трижды, словно мантру.

– Что ты предлагаешь? – в голосе капитана мне почудилось подобострашие.

– Немедленно садиться!

– Может, связаться с Космофлотом? – поинтересовался я.

– Успеется, – отнёл предложение штурман и скользнул по мне ставшим неприятным взглядом. Будто снова свои очки одел. – Если ты не забыл, Краев пропал именно при попытке связи.

Шеф задумался. Похоже, крепко. Лурвил, державшийся за кресло Завьялова, витал где-то в облаках. Его глаза странно затуманились, словно он убежал в себя в погоне за ускользающей мыслью.

– Нарушать режим маскировки не будем, – капитан решил. – Радко, садись вот на том пустыре. Сколько тебе нужно времени?

– Минут пять, – прикинул я. Удивительно, но при такой высокой гравитации у планеты практически отсутствовала атмосфера.

– Выполняй!

Я погасил горизонтальную скорость над заданной точкой на расстоянии примерно двух километров от кораблей. Теперь наш «Энтар», окутанный непроницаемым для любых видов волн коконом, плавно спускался почти вертикально вниз. Здания на экране росли и расползались из центра, как потревоженные муравьи.

Наконец, нас легонько встряхнуло (высшим классом всегда считалась посадка, определить которую можно исключительно по приборам, но, видимо, не сейчас).

Я посмотрел на остальных. Радости не было ни на одном из лиц. Я вспомнил эволюцию своих ощущений: от оптимизма к тяжести на сердце. Вдобавок мне очень не нравилась торопливость Завьялова и его отказ связаться с Космофлотом.

– Я выхожу наружу, – заявил штурман тоном, отвергающим всякие возражения. Господин Превосходство, кажется, принял командование на себя. – Лурвил, вы будете часовым на сходящих! Возьмите с собой плазменное ружьё. Остальные готовятся к немедленному взлёту в случае необходимости. Лурвил, за мной!

Штурман и ксенолог выбежали. Я ошеломлённо глядел на шефа.

– Кэп, какого дьявола ЭТОТ распоряжается на твоём корабле? – наверное, мой голос слишком сильно дрожал от возмущения.

– Инструкция по критическим ситуациям номер двадробь-десять, будь она неладна, – невесело ответил он. – При неповиновении я попадаю под Трибунал.

– Мне всё это не нравится, – упорствовал я.

– Мне тоже, – капитан тяжело вздохнул, его глаза беспокойно прищурились. – Меня просто бесит, что мы не имеем понятия, что происходит.

– Вот-вот, – я решил добавить своих наблюдений. – Кэп, с такой высоты что-то высмотреть может только человек, который знает, что ищет! Кстати, что значит «неужели тот самый»?

– Месяц назад с одной из периферийных планет Союза угнали корабль этой модели.... – пояснил шеф.

– Что? – я не поверил своим ушам. – Как такое могло случиться?

– Неизвестно, – капитан пожал плечами. – Экипаж не найден, рассказывать некому.

М-да. В последнее время в Космофлоте ЧП на ЧП!

– Всё это крайне подозрительно! – я точно знал, что делать. – По-моему, за штурманом надо проследить. На всякий случай!

– Нарушение приказа, – нос шефа совсем задёргался. – Это преступление.

Капитан заходил по рубке, с силой отталкиваясь от стен руками. Я молчал, не мешая ему принять решение.

– До того, как стать капитаном, я был пилотом, – наконец изрёк шеф. – Иди. Я предупрежу Лурвила.

– Слушаюсь! – я подскочил.

– Удачи тебе, Радко! – капитан сжал мне руку. Я нетерпеливо вырвался и выскочил в коридор.

«Пилотом, пилотом!» – стучало в голове. Так вот он о чём думал! Осознание, что это не тренировка и не симулятор, чуть охладило пыл. Аж мурашки забегали по коже. Впрочем, надев скафандр из множества слоёв прочнейшей молекулярной плёнки, которую могла разрушить только высокотемпературная плазма, я слегка успокоился. Соединив с костюмом прозрачный гермошлем, я топтался у выхода, ожидая пока из переходной камеры стравится воздух. Когда циферблат барометра показал нуль, внешняя дверь плавно открылась.

Ксенолог, с громоздким ружьём наперевес, молча показал рукой, куда скрылся Завьялов. Я осторожно спустился по сходням, потихоньку приспособляясь к непривычно малой силе тяжести – тренировки у нас обычно на перегруз. Затем пошёл, ускоряя шаг, по следам штурмана, чуть заметным на припорошённой пылью земле. Вскоре я почти бежал, совершая гигантские прыжки.

След иногда вилял, огибая здания, но в основном со-

хранял направление на две высоченные причальные мачты. Этот ориентир я заприметил ещё при посадке.

На пути встречались самые разнообразные строения, и вроде бы все они были из бетона и металла, но настолько непривычными, что сразу чудилось клеймо: нелюдские. И ещё они создавали впечатление брошенных или законсервированных.

Так я пролетел почти километр, и вдруг чуть не засветился.

К одному из зданий прямоугольным выступом примыкала странная решётчатая конструкция – совсем уж непонятная (хотя и наши инженеры, бывает, такого намутят, что только диву даёшься!). Выскочив на полном ходу из-за стены, я увидел сквозь прутья штурмана. С ранцем на плечах, Завьялов перед собой держал нечто вроде планшета, и меня не заметил. Я замедлил шаг, и теперь старался передвигаться на пределе видимости и близко к укрытиям.

Вскоре штурман вышел к серой стене метров двадцати пяти высотой. Она перегораживала дальнейший путь, простираясь в обе стороны, сколько хватало глаз. Возможно, это и была та нитка, что отделяла один сектор от другого. Завьялов замер перед ней, затем огляделся и устремился налево – к лестнице, типа пожарной. Легко подпрыгнув, он ухватился за нижнюю перекладину, и, быстро перебирая руками, полез вверх.

Когда штурман скрылся из вида, я выбежал из-за спря-

тавшей меня небольшой пристройки и рванул следом. Подтянувшись за последний брус, я осторожно высунул голову над стеной.

На другом краю – метрах в десяти от меня – стоял Завьялов. Рядом с ним опустила тонкие паучьи ножки небольшая тренога с квадратным ящичком вместо головы. Переносной интерком. Знакомая штука. Любопытно посмотреть, с кем штурман беседует?

С предельной осторожностью я забрался на крышу. Поглощённый разговором Завьялов не шелохнулся.

Прямо передо мной, на фоне огромных сооружений, напоминавших ангары для военных крейсеров, и небольших куполообразных зданий непонятного назначения, торчали носы двух кораблей. Благодаря провидению за отсутствие передающей звук атмосферы, я сделал несколько шагов вперёд.

Вот он – чужой!

Абсолютно непохожий на стоящий рядом транспорт (впрочем, как и на другие земные корабли), инопланетянин казался изящным и неповоротливым одновременно. Многие детали на его матовом корпусе вызывали недоумение, словно изжитки незавершённой эволюции.

Заворожённый чужаком, я не сразу заметил между ним и транспортом группу людей. Точнее, две группы – люди и... другие. Со стороны транспорта трое – один с небольшим чемоданом в руках. И ещё четверо ближе к странному кораблю. Все семеро почему-то одеты в одинаковые скафандры с

прозрачными шлемами. Вроде штурманского. Или моего.

Я включил фокусирующую оптику. Перед правым глазом опустился миниэкран, современный вариант подзорной трубы. Сначала медленно, затем всё быстрее, я оглядел других. Глаза, губы, нос. И остальные мелочи на месте. Только головы абсолютно лысые.

Внутри росло лёгкое разочарование. Да, все известные разумные расы – гуманоиды, но чтобы полное сходство?

Тоже люди? Вовсе не другая раса?! Откуда тогда этот корабль?

Что это? Игры Совбеза? Секретные учения?

Разочарование уступило место любопытству. Я принялся искать волну интеркома. Через полминуты в ушах зазвучал механический голос переводчика:

– ...всё – опытный образец, схемы, спецпрограммы.

Человек с чемоданом выступил вперёд, готовясь к передаче. Завьялов наклонился к своему ранцу и достал громоздкого вида устройство. По животу растёкся холодок узнавания.

Нейтронная пушка!

Оружие для уничтожения живой материи при биологическом заражении!

Оружие, запрещённое для использования в других целях!

Что этот урод собрался делать?!

Штурман отработанным движением положил пушку на интерком, аккуратно прицелился, и, чуть поведя плечами,

потянул палец к спусковому крючку. Сердце застучало и в голове зашумело, когда Завьялов снял переключатель с холостого положения.

Сволочь, что ты творишь?! Это не игра!

Резко прыгнув, я выбил пушку из его рук. Кувыркаясь, смертоносная игрушка невероятно медленно – словно в чередке стоп-кадров – полетела вниз.

– Какого чёрта?! – Завьялов обернулся, и зрачки его изумлённо распахнулись. – Радко? О, нет!

Штурман покосился на людей, которых только что собирався убить. Они нервно крутили головами, пока один не указал на нас.

– Там! – громом раздался крик.

– Идиот! – Завьялов разбежался, и, не мешкая, прыгнул со стены.

Подскочив за ним к краю, я увидел как штурман, сгруппировавшись, приземлился на ноги и несколько раз перекатился. Затем он поднялся и длинными скачками устремился к «Энтару».

У меня засосало под ложечкой. Прыгать? Отсюда?! Завьялов точно спятил!

Я повернул к лестнице. Нога неожиданно остановилась на полушаге, и, словно заклинив, нелепо зависла в воздухе. Я попытался шевельнуть пальцем. Не удалось. Повернуть голову? Тоже нет. Меня будто подстрелили из парализатора. Да что же это такое?

– Прыгай! – прозвучало в голове.

В голове. Не в ушах. Что за ерунда? Я изо всех сил попытался вернуть контроль над телом. Голос раздался снова.

– Не хочешь? Тогда посторонись!

Мои ноги – совершенно самостоятельно – оттолкнулись от края стены, и я полетел вниз. Кувыркаясь после падения, я чудом не сломал шею. Встав, ноги пустились бегом. Очень быстро. И ещё быстрее. Левая рука неестественно болталась, но боли я не чувствовал. Я вообще ничего не чувствовал! Ни одну клеточку тела!!!

Ошеломление потихоньку отступило, и я понял, отчего с такой прытью удирал штурман. Передо мной словно опустили стеклянную перегородку. Я ощутил себя как в аквариуме – всё видя и осознавая, я не мог ничего сделать. Ноги несли меня всё стремительнее, лёгкие лихорадочно раздувались, готовые разорваться. Сам по себе я бы никогда не смог так мчаться.

Внезапно я уловил желание захватчика как можно скорее догнать беглеца – пока он не добрался до корабля. Похоже, барьер оказался не таким сплошным. Обрадовавшись, я стал «причувствоваться».

Вот, что-то знакомое.

Вражда к убегающему человеку. Не моя неприязнь конкретно к Завьялову – а ко всем таким, как он.

Разрушителям. Убийцам!

Я ощутил, как струйка ненависти стала быстро размывать

преграду в голове. Наконец, стена треснула, и на меня обрушился бешеный поток чужих чувств. Главным из них была ярость, распалённая воспоминаниями о мерзких уродливых бронеплатформах под красными штурмовыми флагами. Это ударные отряды Совбеза – с приказом уничтожить всё живое – утюжили базы повстанцев, превращая родной мир в обломки и пепел.

Я знал, что это за воспоминания. Друзья когда-то показывали мне записи не из общего доступа.

Вот, значит, кого придавили тогда на Терсофии! Сверхчеловеков! Выродков!! Нелюдей!!!

Похоже, не всех доби́ли. Жаль...

Штурман тем временем забежал за решётчатый выступ, и расстояние между нами сократилось до минимума. Захватчик поспешил достать близкую добычу, совсем ослабив внутреннюю защиту. Я даже уловил обрывок мыслей Завьялова.

– Сюда не меня нужно было посылать, а Верховного со спикартом, – возникший контакт резко оборвался. Штурман, видимо что-то почувствовав, рванул ещё быстрее. Я пожелал ему удачи.

Ярость захватчика плеснулась волной кислоты, сжигая оставшиеся барьеры. Я ощутил в руке лёгкую боль. И вправду сломана.

Так, попробуем, что мы можем делать. Веки моргнули по моей команде. Неплохо. Как и то, что на эти робкие пополз-

новения внимания не обратили.

Теперь хватит бежать, как ошпаренному.

Я заметил впереди маленький острый бугорочек. Да, то, что нужно! Вспыхнувшее желание наступить чуть-чуть левее показалось самым сильным в моей жизни.

Есть!

Носок ботинка зацепился за обломок стального прута, и я покатился по земле кубарем, собирая пыль.

Меня сразу опалило жаром гнева. Потратив секунду на то, чтобы снова замуровать моё «я» на задворках сознания, захватчик поднялся, и наша бешеная гонка возобновилась.

Штурман бежал очень быстро – недаром напомнил Павла – но, похоже, не мог насиловать свой организм до такой степени, как это делали с моим. Расстояние между нами потихоньку сокращалось.

Когда я выскочил на край пустыря, Завьялов опережал нас метров на семьдесят, но корабль был уже близко. Впрочем, ещё нужно время открыть переходную камеру. Вряд ли они с ксенологом успеют захлопнуть дверь. Я уловил нотку торжества в чувствах захватчика.

Штурман, не притормаживая, взлетел по сходням, и остановился, чуть не проломив поручень наверху.

– Стреляй же! – зазвенел его пронзительный крик. – Стреляй!

Ринкшасец судорожно вертел головой. Завьялов вырвал у него ружьё и выстрелил навскидку. Заряд плазмы попал в

грудь и отбросил меня назад.

Я опять ничего не почувствовал, только удивился, когда снова встал и пошёл вперёд.

На этот раз штурман прицелился, и, плавно нажав гашетку, перебил мне обе ноги. Я рухнул как подкошенный, по-прежнему воспринимая всё так, будто это происходит с кем-то другим.

Сделав несколько конвульсивных попыток подняться, захватчик разочарованно оставил меня.

Господи, как больно...

...

Единственным выходом для приливавшей и приливавшей боли был истошный вопль, казалось, резавший стены.

– Ярви, успокойся, Ярви, всё хорошо, мы здесь... – приёмные родители склонились надо мной. Отец держал за руку, мать вытирала пот со лба. Чуть сзади маячило бледное лицо Плуто с выпученными глазами.

– Мои ноги! Моя грудь! Помогите! Я умираю!

– Да успокойся ты! – отец вдруг вlepил мне хлёткую пощёчину. Как обычно, это помогло. Дыхание выровнялось, конвульсии прекратились, боль отпустила. Тело обмякло и не желало подчиняться.

– Что... – язык еле ворочался. – Что... со мной?

– Кажется, Невеста решила тебя не просто поцеловать, но ещё и приобнять. – отец говорил обычным тоном, как будто ничего особенного не случилось. – Не страшно, но весьма

болезненно, конечно. Ты, пожалуйста, в следующий раз предупреди нас, чтобы мы были наготове. Хорошо, что сегодня твой друг оказался рядом и побежал к нам за помощью. В другой раз так может и не повезти. Договорились, сынок?

– Да, пап! – я постарался улыбнуться.

– Вот и хорошо. А сейчас отдыхай. Мама за тобой приглядит.

Перед уходом Плут наклонился и зашептал:

– Я был прав?

подавив желание помучить его неизвестностью, я кивнул и закрыл глаза, не желая смотреть на его торжествующую физиономию. Честно говоря, меня волновало совсем другое: камень не был с пилотом до смерти, так и оставшись в нераспакованном рюкзаке.

Тогда откуда я считал информацию?

День спустя, когда я смог подняться с постели, Плут явился с совсем уж ликующими глазами. Неужели ещё один предмет? Голодной курице всё просо снится?

– Нет, нет, нет! Даже не проси! – я вяло замахал руками в упреждение. – Никогда больше! Только что после твоих просьб я видел смерть. Нет, я ощутил смерть! Чёрт, я умер!

– Ну, в первый раз всегда страшно! – вместо положенных извинений, друг нагло ухмылялся. – Ярви, я нашёл то место! То место на карте из храма Древних!

3

– Плут, мы тут уже неделю. Завтра кушать будет нечего!

– Ягод поешь! – Друг был небрит, грязен и суров.

– Может, мухоморов сразу?! – Я с сожалением оторвался от последней лепёшки и бережно сложил остатки в рюкзак.

– Можешь и мухоморов – тебе ведь всё равно!

– Завязывай! Ничего здесь нет! – освободив руки, я стал бурно ими размахивать. – Ты уже под каждый куст подкопался! Может, ты ошибся, может, я ошибся. Хватит! Или один уйду!

Плут вдруг сел прямо на горячий песок и жалобно попросил:

– Ярви, ну, ещё полдня! А завтра, клянусь, с зари снимаемся!

– Договорились! – желать большего, пожалуй, не стоило. – Только ты сам, а я купаться.

За неделю безумного просеивания песка сквозь сито я и окунулся всего пару раз. Но сегодня я должен был поплавать во что бы то ни стало! Июньский бриз набрал силу, разогнал облака над косой и вздыбил море. Пропустить такой шторм – ни за какие лепёшки!

Ветер нагнал холодную воду с глубины, и я поёжился, хотя привык и к январским купаниям. Но ничего, продираясь сквозь волны, быстро согрелся. Наслаждаясь чудной болтан-

кой, я заплыл достаточно далеко и попал в сильное течение. Такое со мной случилось не впервые, поэтому я без паники отдался потоку, дождался, когда он повернёт к берегу, и, приложив совсем немного усилий, выгреб к мелководью.

Снесло меня прилично, километра на два. Дюны здесь росли выше, а ветер оказался совсем колючим. Спрятавшись от него за авандюной, я любовался косой, воистину чудом природы – тонкой полоской суши, зажатой двумя массивами воды. Механически перебирая пальцами песчинки, я вдруг на что-то наткнулся.

Сначала я подумал, что это крупный кусок янтаря, неизвестно как вынесенный морем за авандюну. Потом удивился чересчур правильной кубической форме находки. А когда полностью очистил от налипшей грязи, то не смог сдержать восхищённого восклицания. Это и вправду был янтарь, но какой!

Жёлтый, прозрачный, обрезанный под игральную кость, только вместо цифр – бесподобные по красоте миниатюры. Дракон, единорог, крылатый конь, два черепа, змея со множеством голов, полулев-полуорёл... И ещё муравей внутри!

Каждая из картинок надолго приковывала внимание, так что я рассматривал находку с полчаса, пока макушку не начало припекать. Взгляд я отрывал неохотно, кубик манил и притягивал, храня какую-то тайну, и вызывал жгучее желание эту тайну разгадать.

Играя с ним, я добрёл до палатки. Не раздумывая, нашёл

и откупорил бутылёк, нацедил в походную кружку заветных двадцать пять капель и... выпил. Обещание отцу я вспомнил, только когда боль коснулась меня.

...

«Сергей или Мила?»

Игорь перебрасывал жёлтый кубик с ладони на ладонь. В призрачном свете люминесцентных ламп талисман становился тем, чем и был: маленьким безжизненным куском янтаря.

«Так Сергей или Мила?»

Вздохнув, Игорь снова уставился в листок. На бумаге в крупную клеточку, по обе стороны от большой буквы Т, ровным почерком были записаны причины взять в полёт его или её.

«Всего шесть – по три за каждого. И все веские, важные, с какими невозможно спорить. Который палец ни укуси – всё больно. Придётся нумеровать...»

Закрыв глаза, Игорь торопливо нарисовал около записей цифры. Затем посмотрел.

«Что и следовало ожидать. Подсознание не обманешь. Причина первая – сын. А вторая – обещание. Остальное, похоже, не так важно... Ну, что ж – едем дальше...»

Белая стрелка, рыская, подобралась к иконке «Игра», и на экране замелькали в бесконечном переборе цифры и символы. Игорь выключил монитор, посидел полминуты, и нажал клавишу ввода.

«Теперь твой черёд, талисман».

Как обычно, когда нужно принять Решение, янтарь обжигал холодом.

Лёгкое движение кистью, и кубик, неспешно переворачиваясь, взлетел в воздух, сверкнул гранями и звонко застучал о блестящий пластик стола.

Два черепа.

Игорь поморщился – решения после такого броска были правильными, но всегда дьявольски сложными в осуществлении. Ладно, пора включать экран.

Шесть символов выстроились в ряд, один под другим, около каждого – цифра. Напротив точной копии знака на верхней грани, гордо выпрямившись, светилась жирная единица.

– Опять твой кубик? – Игорь вздрогнул, Андрей вошёл незаметно. Вглядываясь в рисунок, товарищ наклонился, и голос его чуть загнусавил. – Черепа... Игорёнь, не знай я тебя столько лет, решил бы, что ты ударился в мистику.

– Мистика мистикой, Андрюх, а только случайность – субстанция одушевлённая, – Игорь спрятал талисман в ящик стола. – Иногда просто вредничает, напоминая о себе, а бывает, обижается и берётся за нас всерьёз. Тебя вот не пугает, что всё так гладко получается? Ни одной ошибки, всегда в правильном направлении... Словно кто-то нас подталкивает.

– Ну, это только нормальные герои идут в обход... – Андрей не задумался над ответом. – Всё очень просто! Я – ге-

ний, ты – гений, Серёга – гений! Мила тоже гений, только ерундой увлекается...

Игорь усмехнулся.

– А кто такой гений, разреши любопытствовать?

– Гений задаёт правильные вопросы, – товарищ горделиво приосанился, тон его стал назидательным, как у профессора на лекции, – и потому не теряет время на тупиковые исследования.

– Значит, – улыбка стала шире, – мой вопрос правилен?

– Да ну тебя! Вечно ты всё вывернешь! – Андрей махнул рукой и уселся на стол. – Я перед полётом о другом хотел спросить. Тебе лунные базы к чему? Я понимаю, что это отличное прикрытие, но ты же столько времени убиваешь! На год, а то и полтора, раньше готовы были бы!!! А с Советом до сих пор чего возишься? Мы же всё с него получили! И вообще, далась тебе эта политика... Это ж надо, попасть под санкции Совета Учёных стало страшнее, чем под санкции ООН! Мы уже, наверное, всем ядерным странам мозоли отдавили. Случись какая заварушка, разве что у России рука дрогнет! Ты этого хотел?

Игорь встал, задвинул кресло и выключил компьютер.

– Андрюх, ты помнишь, какая была мечта, когда мы начинали?

– Звёзды! – товарищ воздел правую руку от сердца вверх.

– Это твоя! – Игорь неодобрительно покачал головой. – У моей есть маленькое дополнение: для людей. Конечно,

не сразу. Не для всех. Кто заслуживает. Кому звёзды действительно нужны. Той части человечества, что примет своё предназначение.

– Это какое? – Андрей фыркнул.

– По-зна-ние! – Игорь несколько раз ткнул указательным пальцем в солнечное сплетение друга. – Вселенная создала нас, чтобы познать себя!

– Не слишком ли много надежд на бедное человечество? – товарищ слез со стола и добавил ворчливо. – Люди слабы, глупы и порочны!

– Понимание, что мы – часть Вселенной, должно придать сил лучшим из нас!

– Игорёнь, ты – неисправимый оптимист! Такое возможно только в ультрапарадоксальной фазе сна. Той, в которой по Павлову на удар током выделяется желудочный сок, – Андрей хохотнул. – Сейчас подумал, что ты это и пытаешься сделать! Забавно...

– Добрый ты, – Игорь накинул плащ и мягко подтолкнул товарища к двери. – Мне пора в город. Неплохо бы успеть на последний рейс.

– Ты уже решил, кого взять?

– Андрюх, тебе какая разница? Ты же рванёшь и в одиночку...

...

Вагон для персонала Базы был немногочислен. Тьму за окном турбопоезда, по старой памяти называемого электрич-

кой, нарушали редкие стационарные фонари. Игорь задремал, и очнулся, когда по стеклу забарабанили тяжёлые капли. За пеленой дождя плыли точечные огоньки улиц.

– Калининград-Северный, – через минуту объявил машинист.

Поезд несколько раз протяжно вздрогнул и причалил к пустынной платформе. Выскочив под холодный поток, Игорь побежал к навесу.

«Надо же, столько не вырывался в город, и на тебе – ливень. Вот сколько упрашивал Милу переехать на Базу, но бесполезно: женщины слишком привязываются к месту. Хорошо хоть дом рядом с вокзалом. И сапоги на ногах. Всё-таки штормовое предупреждение не прошло мимо ушей».

Стремглав налетел шквальный порыв, сорвал завесу со звёзд и утихомирил дождь. Игорь побежал, разбивая длинные зеркала луж, но около дома его нагнала и накрыла косым ливнем низкая туча. Запыхавшись от последнего рывка, Игорь стоял в дверях подъезда. В свете фар мчащихся по проспекту машин было видно, как крупные капли взрываются о мостовую подобно маленьким снарядам, и ветер гонит над асфальтом белые облачка.

«Подниматься-то не хочется. Да, конечно, Николаю только пять, как его оставить без обоих родителей? Но вот почему главной причиной кубик выбрал именно его?»

Игорь по старой привычке полез рукой под свитер.

«Ах, да, талисман в ящике остался. Удивительное дело,

любимые игрушки от папы-мамы – луноход, автомат – помню, а как их дарили – нет. Зато явление кубика до смерти не забуду. Наверное, подарок судьбы... А от неё не убежишь. Ладно, хватит малодушничать, пора идти...»

Звонок гудел требовательно и настойчиво. Открыв дверь, Мила предстала в своём любимом наряде – в фиолетовых спортивных штанах и розовой маечке навыпуск.

– Коля у бабушки, – растерянно сообщила она, и ахнула, запустив руку в каре соломенных волос. – Что это ты с собой сделал?

– А-а, это, – Игорь шагнул к зеркалу и провёл ладонью по лысой макушке. – Решил постричься под машинку. В полёте так же буду...

– Обалдел совсем! И что ты стоишь как истукан! Проходи, промок весь насквозь! – помогая мужу раздеться, Мила говорила без остановки. – Ты вовремя, я собиралась завтра с утра на Базу.

– Не может быть! – Игорь нарочито удивился.

– Смейся, смейся! У меня для тебя сюрприз!

– Ещё один Коля?

– Так, без глупостей! Помнишь Юрия? – заметив непонимание, она торопливо продолжила. – Ну, тот полный, усатый, которому ты отказал в помощи!

Игорь нахмурился, вспоминая.

– Вроде он хотел установить связь с потусторонним миром?

– Ну зачем ты перевираешь! – Мила всплеснула руками. – Не с потусторонним миром, а с мировым разумом! Да что я тебе объясняю! Конечно, всё, что не вписывается в твои планы – чушь и ерунда, не стоящие времени!

– погоди, погоди. По-моему, он утверждал, что знает цель матушки-природы, а сам не мог толком объяснить, зачем ему средства.

– На исследование души! Юрий говорил, что человек, пока живёт, создаёт не разрушающееся после его смерти поле – душу, хранящую наши способности и знания! Ведь, по логике, чтобы спасти Разум, Природа должна сберегать его в более неуязвимой субстанции, чем жизнь на планетах!

– Как в кремне огонь не виден, так и в человеке душа... И зачем ты мне всё это рассказываешь?

– Пошли, покажу... – Мила схватила мужа за руку.

В углу просторной светлой комнаты на столе покоился непрозрачный контейнер.

– Открой, но не трогай!

– Золотой шлем? – Игорь с любопытством разглядывал жёлтую металлическую полусферу внутри ящика. – Это что, надеваешь шапку и выходишь в астрал?

– Ты можешь быть серьезнее?

– Прости, ласточка, прости, – Игорь старательно прятал улыбку.

– Ну, слушай, устройство – шапка, по-твоему – предназначено для сохранения целостности души умирающего че-

ловека.

– Ты что, опыты проводила? – Игорь насторожился. – На ком?

– Нет, это экспериментальный образец, – от скепсиса мужа настроение Милы ни на каплю не ухудшилось. – Еле успела к полёту.

– Не понимаю, зачем он нужен! Если душа есть, она ведь всё равно не исчезнет?

– Точно, не понимаешь, – Мила обняла мужа и заговорила в ухо. – Сверхразум по определению должен быть единственным. Моноразумом, где стирается всякая индивидуальность. Прибор нужен для сохранения личности, её обособленности, но с возможностью черпать информацию. Мне кажется, если ещё поработать, то я получу данные и здесь. Создам твой вождеденный хроновизор...

– Интересная идея... Думаю, времени у тебя будет больше чем достаточно.

– То есть как?

Игорь отстранился, покусал губы и тихо выдохнул.

– Ты не летишь...

Мила уткнулась взглядом в узорный цветок на обоях, правой рукой достав из-под майки серебряный крестик. На минуту движение в комнате замерло, словно кто-то включил стоп-кадр.

– Ты же обещал... – в уголках глаз, как почки весной, набухли слезы.

– Ну, ласточка, ну, не плачь, – Игорь взял жену за запястье. – Полетишь в следующий раз...

– Ты обещал! Слышишь! Ты обещал! Какой ты после этого мужик! – Мила выдернула руку, её рот презрительно скрипелся.

– Мила, Мила, ну, подумай, Коле всего пять...

– Можно отдать в твою школу кадров! Ты сам говорил!

– Ну, нельзя, нельзя! Именно на него указал... – Игорь осёкся.

– Что?! – Мила зашипела, как дикая кошка. – Опять твой кубик?

– Ну, погоди, погоди! Не кипятись! И меня не заводи!

– Этот мерзкий кусок янтаря тебе дороже меня? Знаешь что? Убирайся отсюда!

– Ты, кажется, забыла, что это мой дом! – ледяным тоном Игорь попытался остудить нахлынувшее тропой старых ссор и обид бешенство. – Я не уйду!

– Превосходно! Тогда уйду я!

Женщина рванула мимо застывшего словно гипсовое изваяние мужа, и обернулась в дверях.

– Ты – не человек! У тебя нет сердца, а если и есть, то холодное как ледышка! Для тебя никого не существует. Никого и ничего, кроме твоих идей! Я тебя больше знать не желаю! Даже вспоминать! На, подавись! – сорвав с безымянного пальца кольцо и швырнув блестящий круг в лицо мужу, она выбежала за порог и с силой захлопнула дверь.

Поймав кольцо, Игорь безвольно опустил руки, и медленно, подобно сомнамбуле, подошёл к окну. Он успел увидеть, как Мила выскочила на проспект в рык и ругань моторов. Она почти перебежала, когда визжащий тормозами грузовик своим тупым носом подбросил её в воздух.

Закричав, Игорь схватил шлем и помчался к выходу...

...

– Ярви, ты как? – руки у Плути заметно дрожали.

– Ничего, вроде...

На удивление я чувствовал себя вполне сносно. Намного, намного лучше, чем в прошлый раз. Слегка мутило, и всё. Кое-где побаливало, но так и должно после прыжков по волнам в пятибалльный шторм. И сил на иллюзию казалось достаточно.

– Ты что, и вправду мухоморов наелся?! – тем временем разорвался пришедший в себя друг. – Ты чего удумал? И что бы я твоим предкам сказал? Извините, ваш отпрыск debil, а я за ним не уследил?! И кто у нас сам вопил: никогда больше!

– Вот! – я разжал ладонь с кубиком. – Может быть, мы его искали...

– Что это? – Плут разочарованно нахмурился. Ну, понятно, на космический крейсер не тянет. Тогда смотри...

...

– Чёрт, это ведь было когда-то очень давно! – друг ошеломлённо хлопал глазами. – Какой удивительный мир!

– Конечно, это было давно, – я вдруг разозлился на его

невнимательность. – И именно здесь ты упускаешь главное! Высокий широкий лоб, маленький заострённый подбородок, густые длинные брови над серыми глазами, маленький нос с вздёрнутым кончиком, выпяченные ноздри, большой рот со слегка загнутыми кверху губами. Что ещё... Оттопыренные уши, но их не было видно под волосами... Над левой бровью беловатый след от старого шрама – его я просто не помню... В общем, человек в зеркале и находка Элара – на одно лицо!

– Да как же такое может быть?! – Плут всплеснул руками.

– Вот именно!

– Тогда нам надо на север! В Крепь!

При всей моей нелюбви к скоропалительным выводам и решениям друга, я был вынужден согласиться. Но согласиться с Плутом так сразу?

– А работа?

– Ты про свою синекуру, что ли? Ярви, твоя работа – развитие способностей. Предки твои не раз намекали, что в нашем захолустье ты уже всему научился, и охотно отправили бы тебя в Крепь, если я соглашусь пойти с тобой. Ты же у нас такой оторванный от земли мечтатель...

– Что бы они про тебя сказали... – буркнул я.

– Ничего плохого, уж точно! Стер, кстати, там давно. И довольна до поросячьего визга!

4

– Ну, и где твоя избушка на курьих ножках?

Как приятно прятаться в прохладной лесной тени от жарившего с летней злостью солнца! Я с удовольствием побродил бы по чаще ещё, если бы не надоедливая мошкара да вдруг разнервничавшийся Плут.

– Слушай, когда в прошлый раз ты искал, я взвыл только через неделю, а ты – и полдня не прошло!

– Каких полдня, смеркается уже! Ты палатку иллюзией поставишь? И греться ею будешь?

– Ничего так идеяка, – я ухмыльнулся, и... стёр для Плу-та часть окружавшей нас иллюзии – на всю меня не хватало. Бурелом уступил место опрятному дворику, а стояли мы перед резной калиткой, за которой каменная дорожка вела к приземистому дому из брёвен.

– Ярви, хорош издеваться! – Друг вертелся на месте и бешено махал руками, то ли от раздражения, то ли от комаров.

– Пошли, – я подмигнул и хлопнул Плу-та по рюкзаку. – Может, нас ждёт иллюзорный ужин.

Дверь избы открылась, и на пороге появилась прелестная девушка... для Плу-та, разумеется. Настороженным взглядом нас встречала сухонькая старушка, чей возраст и гадать не имело смысла.

– Вы кто такие? Чего припёрлись?

Контраст между увиденным и услышанным произвёл на друга настолько глубокое впечатление, что я сжалился и явил ему истину. Сморщенное лицо старухи могло вызвать только неприязнь, а самым гадким казалось огромное родимое пятно на щеке. Плут похлопал глазами, взбодрился и разулыбался, видимо, решив пустить в ход своё безотказное обаяние.

– Дорогая бабуля, не...

– Слушай, смертопоклонник, заткни эту никчёмность! – я с трудом подавил улыбку: чуть ли не впервые ко мне обращались как к главному. – И не скалься, а объясни, какого лешего ты тут ошиваешься, пока я терпение не потеряла!

– Почтенная Лаэлин, – я поклонился, насколько это возможно с рюкзаком на плечах. Отец сказал, что ей нравится вежливость и учтивость, но без наглости. – Вам привет от Генка Замша.

Взгляд старухи не то чтобы потеплел, но, по крайней мере, перестал буравить насквозь.

– Вот как... Ну, проходите. Еда и ночлег для посланцев у меня найдутся...

К концу сытного ужина Плут зазевал и вдруг уткнулся лицом в стол. Старуха несколько раз сильно толкнула его – Плуता мотало, как куклу, но он не просыпался, – затем повернулась, набычишись, ко мне:

– А теперь выкладывай, чего этому хрычу Замшу надобно?

– Мой отец скромно попросил, – я старался отвечать вежливо и обходительно, – если это в ваших возможностях, вернуть старый маленький должочек.

– Твой отец! – Лаэлин вскинулась и снова засверлила меня взглядом. – Видимо, он – твой отец – очень тобой дорожит. Ну, долг есть долг – платежом красив. Цеди свои капли, я сейчас...

– А это обязательно? – в глубине души я надеялся, что обойдётся без Ритуала.

– Боишься, детей не будет? – старуха разразилась противным гоготом. – Да с твоей рожей тебе и так не сильно светит!

Я промолчал: популярностью у женщин я не пользовался, особенно на фоне милашки Плути. Но главным было не это, а проклятый слепой случай, могущий при Ритуале, убивающем часть твоего тела и дарующем этой части бессмертие, указать на ткань, связанную с деторождением. Мой приёмный отец как раз стал жертвой неудачного поцелуя, и, видимо, старуха об этом знала.

– Обиделся? В больное место попала? – Лаэлин ослабилась так, что стали видны похожие на скалы коренные зубы. – Ты наливай, наливай...

Пока я цедил Молоко, старуха вернулась с початой бутылкой и что-то подлила в моё зелье. Ничего не произошло, ни цвет, ни запах не поменялись.

– Держи меня за руку, – повелительно сказала Лаэлин, направив ко мне растопыренную пятерню. – И пей!

Оба приказа вызывали равное неприятие, и я решил выполнить их одновременно...

...

«Затянулось бабье лето нынче. А душа снега, холода родного просит...»

Старуха посмотрела вслед сизым облакам, что пронеслись мимо невыполненным обещанием, и натужно подняла тяжёлую корзину с поздними опятами.

– Эй! – громкий крик согнал с погнутых ветром берёз стайку птиц. Покружив в закатных лучах, воробьи спрятались в пёстрой листве, и тут же вспорхнули снова.

– Эй! Есть кто дома?

«Голос мужской. Гости, что ли? Ага, вот и верный Гал залаял».

– Иду, иду, – старуха засеменила быстрее. – Несу себя потихонечку...

На кочке в ботинок пробрался камушек и впился в большой палец. Поспешись – людей насмешишь! Прихрамывая и опираясь на посох, старуха вышла на поляну.

Частокол, окружавший бревенчатую избу и покосившиеся сараи, подпирали двое – мужчина и женщина. Одного роста и в похожей одежде, испачканной грязью.

«Заявились... Нарядились одинаково, так ещё вымазались по самые уши».

Старуху передёрнуло. Не могли себя в порядок привести! Увидев хозяйку, мужчина присвистнул и обхватил рукой

подбородок, обросший густой щетиной.

– Бабушка! Вот это да! Прямо как в сказке!

«Скажет ведь, бабушка... Ну, давай, смотри, изучай. Голова моя на бок скрючена и словно кувалдой в плечи всажена. А на левой щеке родинка огромная, и волосы седые из неё растут! У тебя самого, милоч, смазливость напрочь отсутствует. Одни уши-вареники чего стоят!

А ты, юная, красивая, что на меня уставилась? Да ещё и мысли стараешься прятать? От меня не скроешь. И мыслишки вроде глобальные, а поглубже копнёшь, так вся мелкость душонки выпячивает. Как же у вас, молодых, потаённые желания одинаковы! Вот мужичок-то знает, что оно себе дороже. Недаром седина пятнами пробилась. Ещё бежать будете, как я, когда добьётесь, чего хотели...

Но натренирована хорошо, и что-то в тебе такое притаилось. За глазами фиолетовыми...»

– Почтенная хозяйка, приютите усталых путников! – мужчина радушно улыбался.

Хоть не красавец и не в моём вкусе, но вежливый да учтивый, когда надо. И голос приятный.

– Заходите, раз уж пришли, – старуха отворила калитку.

По двору бестолково носились куры, кудахча и склёвывая свежие ростки, принявшие долгую тёплую осень за раннюю весну. Взъерошенный Гал рвал привязь и брызгал слюной, но после грозного «Цыц!» заскулил и убежал в будку.

Дорожка из старательно подогнанных камней вела к

крыльцу с двумя низкими ступеньками. Поскрипывая, деревянное полотно двери приоткрыло вход в тесные сени.

– Помоетесь там, – старуха махнула в сторону уборной. – Вода только холодная. Вещи сложите в клеть, а я пока ужин сделаю.

Оставив гостей, хозяйка прошла в заставленный припасами коридорчик и прислушалась.

– Хорошо, что крюк сделали, – усталый голос мужчины был исполнен благодушия и довольства. – Я тебе говорил, кто прямо ходит – в поле ночует.

– Угу, – задумчиво согласилась женщина, до того не проронившая ни слова.

– Дейри, ты первая! – распорядился гость. Петля на двери в уборную привычно заскрежетала.

Гадая, что приготовить, хозяйка завязала фартук. Слишком туго – верхняя тесёмка впиалась в свежую ссадину на шее. Завозившись с узлом, старуха рассыпала принесённую корзину. Так и быть, сварю грибной суп!

Женщина мылась недолго, но, выйдя из уборной, в кухню не зашла.

«Вроде как на сундук села и не шелохнётся. Остерегается чего-то... Или задумалась? Ну-ка, о чём? Заколку обронила, найти не можешь? Так тебе и надо, растяпа!»

Стряпня спорилась. Приправы и травы ловко сыпались в варево. Через четверть часа заглянул выбритый, оттого помолодевший, мужчина. Голый по пояс, поджарый и жили-

стый.

– Хозяюшка, а где постираться можно? – Гость зачёсывал спутавшиеся волосы назад, открыв шрам на лбу.

– Найдёшь бадью у колодца, там и постираешься. Только грязь свою в яму возле забора слей...

За окном стемнело. Старуха зажгла лампаду, потом, охая, слезила в погреб за сметаной. А когда по кухне разлился густой аромат, хозяйка зачерпнула суп треснувшей поварёшкой и порадовалась за вкус. Не забыла искусство поварское!

Застелив стол узорной скатертью, старуха расставила и наполнила тарелки, затем достала с хлипких полок ворох разноцветных склянок. Придирчиво осмотрела каждую и накапала в одну тарелку синей воды, в другую – лазурной.

«Вот и всё, можно трапезничать! Осталось кликнуть гостей и усадить каждого на своё место...»

...

– Хватит, хватит! Дальше не пуцую, – Лаэлин, похоже, пришлось сильно постараться, чтобы высвободить руку. Она тёрла кулак и усмехалась. – А ты приткий!

– Что вы со мной сделали? – ёрзая на враз ставшей неудобной скамье, я прислушивался к внутренним ощущениям, и никак не мог в них разобраться. Но я явно перешёл на новый уровень: научился считывать с людей!

– Поживёшь – увидишь... – старуха снова ощерилась жуткой улыбкой. – Я должок вернула, и хватит. Чтобы духу вашего с утра тут не было!

5

– Не будь твоей идиотской прогулки по лесам, мы бы доплыли одним кораблём, и нас встретили!

– Зато Ригу с окрестностями посмотрели, – я старался отвечать спокойно, но это бесило друга ещё сильнее.

– Наслаждался просмотром? Теперь наслаждайся прелестями портовой гостиницы! – Необычайно раздражённый Плут хлопнул дверью своего номера, от такого обращения всхлипнувшей и согнувшейся пополам. После вынужденного безделья на корабле друг явно стремился на бал. Ну, по крайней мере, на танцы. С девушками.

Вздохнув с облегчением (уж больно надоело его нытьё), я с минуту повожился с замком, зашёл в номер и задвинул засов. Наконец-то один! И, главное, никакой качки – на пути в Крепь штормило, не переставая. Наскоро раздевшись и распахав вещи, я встал перед куцым занюханным зеркалом в уборной.

– Перед тем как лезть в глаза – помой руки! – пришлось возмутиться самому себе.

Сделав пять глубоких вдохов, я унял дрожь нетерпения, и уже спокойно принялся за дело. Сняв серые кружочки линз, выполненные по спецзаказу (мне даже не сказали, кто мастер!), я долго и внимательно изучал отражение своих глаз, словно открывая их заново. Да, тот же фиолетовый оттенок!

Никто, запомни, никто не должен знать о цвете твоих глаз! Вот теперь вдалбливаемый с младенчества запрет перестал казаться бессмысленным. Загадка настоящих родителей, не дававшая покоя всё детство, и притупившаяся только в последнее время, снова манила за собой! Только не спеши, не торопись, надо собрать побольше фактов!

Тщательно вымыв линзы – настоящее произведение искусства (не раздражают глаз, можно не снимать неделями), – я снова надел их и вернулся в комнату.

Сев на выдавшую виды скрипучую кровать, я аккуратно выложил на обшарпанную табуретку свои сокровища: набор для Ритуала и футляр, куда я складывал найденное, вроде кубика. Заколочка тоже была в нём. Невзрачная, без единого украшения, как раз для долгого похода.

Теперь я с сомнением вертел её в руках и спрашивал себя: как всё случилось так просто? Мне ПРОСТО захотелось, чтобы она оказалась на кухонной полке, заставленной всякой всячиной, я ПРОСТО засунул с утра туда свой нос, и ПРОСТО взял. Но умных ответов не находилось, так что я сжал заколочку и просто выпил двадцать пять капель...

...

Берег выросал дюнами из моря и уходил на север.

– Где-то там я его и нашёл...

– Кого?

– Что! Свой счастливый кубик...

Песок, тихо шурша, неторопливо утекал меж пальцев, и

рука Игоря погружалась в нагретую дюну снова. Лето, разжав тугую хватку облаков, однодневным цветком распустилось над путниками.

– Тогда тоже был шторм. Погода здесь, конечно... Мы гостям всегда говорили: «Не нравится наша погода – подождите полчаса, она изменится». И что бы за окном ни было, при первой возможности ехали на косу.

Ветер в тот день дул прямо с моря и больно сёк песком. Убежишь от уколов, заляжешь за авандюну и смотришь на воду как из амбразуры. А она бурунами ходит – какими нужно, не сильными и не слабыми, в самый раз. Будь волны чуть повыше – купаться уже нельзя. Отлежишься, согреешься, и летишь вниз по отвесному склону, поднимая за собой шлейф. Потом против ветра чешешь, лицо рукой прикрыв. И вот оно – блаженство!

Сначала зябко, потом окунёт пару раз, и всё забываешь, в азарте ловя волны. Самый шик – прокатиться на гребне метров тридцать, пока не стряхнёт в пенный бурун и не перекрутит во все стороны, да так, что где верх, где низ забудешь. И кувыркаешься не меньше часа, пока вода из ушей не польётся. Затем на дюне, чтобы не замёрзнуть, песок роешь да дома-замки лепишь. Вот я и нарыл... Нащупал что-то, в кулак зажал, вытащил – а там!

Игорь помолчал, заново переживая находку.

– Есть у нас камушек такой – янтарь называется. Не камушек даже, смола застывшая – красивая очень, цвета от

молочно-белого до почти чёрного. Найти его совсем не редкость, но вот такой...

Был он совсем как игральная кость, только вместо точек символы разные – единорог, гидра, пегас... Янтарик сам жёлтый, с белыми прожилками, а внутри – муравей застывший. С усиками. Спрятал я кубик сразу – чтобы братья двоюродные не увидели, а то начнётся «Уступи младшему!» И родителям не показывал. Позже сказал, что купил. Или выменял?

Стал кубик моей тайной. До сих пор помню детский восторг: у меня одного такой! Взрослые уйдут – я сразу играть с ним, загадывать, что выпадет. Или на солнце сквозь янтарик смотрю, как усач на свету оживает. Под лучи положишь, аж искрится! А когда сложные задачки решал, катал в руке. Но ведь помогало! Только странность была: чем труднее вопрос, тем холоднее казался кубик. В общем, захотел я, чтобы янтарик всегда был рядом. Прodelал аккуратно дырочку, шнурок вставил, и на шею повесил. С тех пор руку под одежду сунешь, и вот он – тут как тут!

А счастливым я его назвал, потому что кубик однажды мне жизнь спас.

Дейри повернула голову и посмотрела с любопытством. – Стояли у нас на окраинах города отголоски прошлых войн. Форты-крепости – истерзанные, полуживые, таинственные. Пятиметровые кирпичные стены, а сверху ковёр из живой зелени, для маскировки. Вокруг ров: на дне острые

камни, битые бутылки, а около стен глубина по колено.

Мы пацанами любили по этим фортам лазать – в войну играть. Ну, и как-то раз после боёв решил я по крепости прогуляться. Дело было осенью, после дождя – грязь, слякоть кругом. Упарились, правда, пока воевали, поэтому куртка нараспашку, а руки в карманах – привычка такая была дурацкая. Иду, под ноги смотрю, и вдруг вижу – кубик-то обычно под свитером сидел, а тут наружу выбился. Заправил на место, куртку застегнул и пошёл дальше. Пару шагов сделал, на листья упавшие встал, поскользнулся и полетел в ров...

Спас меня бордюр на стене, в который я и вцепился. Крепко вцепился. Вишу на руках, а кладка кирпичная на уровне глаз заканчивается – далеко ещё лететь. Тогда я и закричал. Громко. Вся ватага сбежалась – вытянули с горем пополам. Если бы не кубик, так и упал бы в ров, как бревно – с руками в карманах.

Игорь вздохнул.

– Вскоре после этого захотел он меня покинуть. Это я сейчас так думаю, тогда-то и в голову не пришло. Хорошо помню: возвращались с косы, дошли до дороги, и я заволновался. Рукой по груди похлопал – точно, нет! Вещи все перетряхнул и побежал обратно. На прогалине, где от ветра прятались, каждую крупинку песка просеял. И нашёл – под корягу сиротливо забился мой кубик. Радость меня тогда переполнила необычайная – словно кто-то близкий тяжело болел и выздоровел внезапно. А потом... Потом я повзрослел

– интересы новые появились, дел куча – и перестал янтарик с собой таскать. Брал, только когда сложный выбор приходилось делать...

– И где он теперь? – заинтересовалась Дейри.

Игорь нахмурился, пожал плечами и посмотрел на руку.

– В один день не нашёл, сколько ни искал. И почему-то мне кажется, что теперь он лежит среди песчинок и ждёт, кому ещё понадобится его помощь... А у меня осталась привычка янтарики перебирать.

– По-моему, кубик совсем ни при чём, – задумчиво сказала Дейри.

– Ни при чём... Мне так говорили, – голос мужчины стал чуть слышным. – Но он ведь спас меня и сейчас! Одного не пойму – отверстие-то лично я сверлил...

Игорь достал янтарики и принялся катать на ладони, глядя на волны.

– Странно как-то. Мне всегда нравилось бывать тут. Именно здесь охватывало потрясающее ощущение, что ты один во всём мире, и в то же время един с ним. Сейчас же словно изморозь между мной и тем, что когда-то приносило радость, – Игорь по-прежнему не сводил глаз с моря. – Будто меня и вправду пронизывает холод. Если внимательно прислушаться, я услышу его пульс...

...

Разбудил меня стук в дверь, похоже, я вырубился сразу после ритуала. На пороге стоял хмурый Плут со свёртком в

руках:

– Пока ты дрых, я кое-что разузнал, – красные глаза друга враз стёрли всё накопившееся от его нытья раздражение. – В отличие от мозгов набекрень, детей у Дейри никогда не было!

Я пошатнулся и крепко вцепился в дверной косяк. Плут тем временем сунул свёрток мне в свободную руку и продолжил, хотя я уже особо не слушал.

– Вот карта, на ней крестик, где жил Адальберт. И вообще, на что тебе дались эти призраки прошлого! О будущем своём думать надо! Стер вот взялась познакомить нас с интересными людьми. Выходим через час!

Дверь захлопнулась.

Я плюхнулся на кровать, машинально вертя в руках карту. Сердце гулко стучало. Этого не может быть! А как же мои глаза? Нет, нет, я должен всё выяснить!

Взгляд сам собой сфокусировался на едва заметном крестике, нарисованным карандашом поверх зелёного пятна Приозёрного леса. Начнём, пожалуй, отсюда...

Стоп, я же не поддаюсь импульсам! Я ведь не Плут! Всему своё время...

Чёрт! Зуд желания пожирал мою волю. Уйти или остаться? Ждать Плута или мчаться выяснять, что случилось у Адальберта?! Я вскочил и заходил из угла в угол тесного номера. Как принять решение, когда ты не можешь его принять?

Жребий! Надо бросить жребий! Пусть дело решит случай!
Кубик! Да, кубик!

Янтарь, холодя ладонь, лёг в руку. Задышалось сразу легче. Осталось выбрать стороны – какая за что. Пусть многоголовая змея, два черепа и дракон будут за «остаться», а полулев-полуорёл, единорог и крылатый конь за «уйти».

Я подкинул кубик и, смотря за его вращением, подумал, что рисунок стремящегося ввысь коня кажется наиболее красивым из всех. Он мне определённо нравился, так и тянуло взглянуть на него ещё раз. Просто посмотреть...

Кубик звонко врезался в столешницу и запрыгал к краю. Но не докатился. Остановился, готовя на верхней грани к взлёту крылатого скакуна.

Пещера казалась – и была – давно покинутой. Но вполне подходила для убежища безумца, каким легенды описывали Адальберта, не жалея красок и высокопарностей.

Определённо чудное местечко! Превосходный лабиринт с огромным количеством замечательных тёмных закоулков, где я мог использовать ночное зрение на всю катушку, а ориентироваться помогала натренированная шишка направления. И просто кладезь для историков – кругом полно бесхозных (и очень старинных) предметов утвари, порядком запылённых.

Вот только как выбрать нужную вещь, которая бы показала желанные картины прошлого? Что могло быть свидетелем схватки Древнего с Адальбертом?

Метод проб и ошибок не годится никак. Снова использовать кубик? Почему бы и нет? Только нужно собрать шесть предметов.

И я отправился бродить по мрачным коридорам, в тишине, случайно нарушаемой оглушительным стуком разбрасываемых вещей. Каждую находку я придирчиво осматривал, гадая, подойдёт или нет, и изредка, старательно сдув пыль, распахивал по карманам рюкзака.

Спустя часа полтора я набрал необходимое количество, и больше сдерживаться не смог. Выложив изрядно потрёпан-

ные предметы в ряд, я мысленно назначил каждому символ, достал кубик и торопливо бросил на гранитный пол. На этот раз выпал единорог, обозначающий помятую с двух боков горелку, ржавую местами до трухи.

Ну, что ж, горелка так горелка! Теперь бы ещё куда-нибудь примоститься для свидания с Белой Невестой. Принимая снадобье, я очень надеялся, что вторая попытка не потребуется, а то как бы не пришлось обживать пещеру заново...

...

Тоненький, с синевой внутри, огонёк светил ровно. Ветер остался за поворотом и не тревожил пламя. Тепла от горелки хватало на полметра, а дальше от сырого холода не спасал и обжигающий чай.

Котелок снова закипел. Игорь долил кружку и передал Дейри.

– Совсем плохо?

– Тошнит и голова кружится, – отдёргнув руку, женщина подула на пальцы.

– Кружится... Может, из-за погоды? – Игорь налил себе и осторожно пригубил. – Вон какой буран!

– Да, буран, – прижав кружку к животу, Дейри наклонилась к огню. – Занесла нелёгкая. Не будь его, ни за что бы в эти пещеры не сунулась!

– Почему?

– Места гиблые. Дурной славой пользуются.

– Иногда дурная слава – хорошая защита, – Игорь сделал глоток побольше, и добавил в чай кусок сахара.

– Может, и так... – женщина пожала плечами. – Где-то мы сбились с пути, причём давно. На восток слишком забрали.

– И что посоветуешь? – Древний теребил прядь на темени. Волосы его отросли, и, невымытые, топорщились по бокам.

– Что, что! Убираться отсюда! Что тут ещё можно посоветовать!

– Совет хорош. Только в данный момент, к сожалению, невыполним, – мужчина завернул около виска локон, затем стал приглаживать кудри за ухо. – Признаться, и сам пещеры недолюбливаю...

Разговор иссяк. Допивая чай, Игорь оглядывал призрачные грязно-белые стены. На высоте человеческого роста, после тонкой серой прожилки, они становились сочно-багровыми, угрожающими даже в тусклом свете. Неестественно прямые углы и гладкая поверхность породы выдавали искусственное происхождение пещеры.

Насмотревшись, мужчина надел вязаную шапочку, зевнул и потёр глаза.

– Горелки надолго хватит? – Свернув плащ, Древний положил его под голову, и, не раздеваясь, вытянулся на спальнике.

– Если поменьше сделать, то до утра. Но разумнее выключить.

– Угу, – Игоря уже сморило.

Дейри погасила горелку, и легла, обняв рюкзак.

...

Чуткий сон Древнего нарушил лёгкий шорох. Не шевелясь и задержав дыхание, мужчина взгляделся в нависшую над ним чёрную тень. Уловив движение, Игорь выхватил плащ, швырнул его поверх призрака, вскочил и ударил головой в корпус. Противник вскрикнул и исчез в густой тьме.

Чертыхаясь, мужчина нащупал и включил горелку. У порога к выходу обрисовался силуэт человека.

Очень большого человека.

– Дейри, подъём, к нам гости!

– Скорее хозяин, – женщина поднялась на четвереньки и что-то лихорадочно искала. – Великие силы! С рюкзаками нам не выбраться, а без них верная смерть!

– Хватит причитать! Где оружие?

– Да тут где-то! Ищу уже. Выложила ведь специально!

Силуэт внезапно двинулся к ним, ускоряя шаг. Игорь поспешил навстречу.

– Держи! – Дейри бросила спутнику клинок и сразу же подкрутила горелку.

Яркий свет вырезал из сумрака бледное длинное лицо с острым подбородком. Остальное скрывала тёмная одежда.

Древний направил меч на мощную фигуру хозяина, как бы предупреждая: держись подальше. Тот лишь замедлил шаг, и, неожиданно скользнув вдоль клинка, попытался захватить кисть Игоря длинными руками. Мужчина увернулся

и напал сам. Противник уклонился с той же лёгкостью.

Игорю никак не удавалось попасть в него, хозяин оказался на удивление проворным для своих размеров. После очередного промаха напавший ослабился. В отблесках пламени кривые зубы превратили лицо в жутковатую гримасу.

Раздосадованный бесплодными атаками, Игорь отступал. Противник, желая смять, зажал его в угол. Внезапно из сумрака выскочила Дейри и кинулась на спину хозяину. Тот, не поворачиваясь, резко отмахнулся левой рукой – женщина, отлетев в сторону, ударилась головой о стену и рухнула на пол.

– Дейри! – мужчина выскочил из угла и снова атаковал, но опять безуспешно.

Противник с наглой ухмылкой теснил Древнего к выходу и вскоре перестал осторожничать.

Улучив момент, мужчина кубарем кинулся вниз, проскочил мимо ног хозяина, и, поднимаясь, с отяжкой рубанул мечом по икрам. С истошным воплем противник рухнул на пол.

Не оглянувшись на поверженного врага, Игорь примчался к Дейри.

После беглого осмотра мужчина мягко и осторожно принялся массировать ей виски. Через минуту веки женщины дрогнули.

– Что со мной? – прошептала она, еле ворочая языком.

– Лежи тихо, – приказал Игорь. – Ты сильно ударилась.

– А что с... этим?

– Кажется, я отрубил ему ноги. Если не сдохнет от потери крови, то ходить начнёт не скоро. А ты лежи, лежи, тебе сейчас важен покой.

Дейри послушалась и закрыла глаза. Мужчина разогнулся, посмотрел на выход и судорожно сглотнул.

Рыча и прихрамывая, чёрный силуэт придвигался к нему. Через секунду хозяин схватил Игоря за шиворот, как нашкодившего мальчишку.

– Ты не должен ходить... – Древний пытался дотянуться до меча.

Хозяин легко, словно спичку, заломил руку Игоря и ударил его плашмя по затылку. Древний безвольно уронил голову на грудь. Противник ухватил бесчувственное тело в охапку и, ковыляя, понёс к выходу.

Снаружи буран стих, а звёзды стремглав мчались к облакам.

С искривлённым от боли лицом хозяин размахнулся и швырнул Игоря вниз, в толстый снежный покров.

– Привет! – в номере меня поджидали. И вовсе не Плут, а... Стер.

За полтора года она совсем не изменилась: та же статность, те же волосы цвета воронова крыла, разметавшиеся за плечами, и красивое личико.

– М-м-м, а что ты здесь делаешь? – ничего умнее спросить не получилось.

– Поживаю хорошо, спасибо, – ответила она, иронично покачивая головой. – Рада встрече, давно не виделись!

– Э-э-э, извини, я тоже рад тебя видеть... – вообще-то любая красивая женщина при общении вводила меня в лёгкий ступор, но Стер это удавалось особенно. – А как ты вошла? И где Плут?

– Замки тут фиговые. Молодец, что вещи с собой таскал. Вообще-то тут останавливаться не стоит. И оставаться тоже. Пошли! – Стер рывком поднялась с кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.